

Т. А. Майсак
Институт языкознания РАН, Москва

**ГЛАГОЛЬНАЯ ПАРАДИГМА
УДИНСКОГО ЯЗЫКА
(ниджский диалект)**

В сравнении с глагольными системами некоторых других языков лезгинской группы удинская глагольная парадигма достаточно небогата. Число финитных и нефинитных форм парадигмы едва превышает три десятка (без учета лично-числового согласования, отрицательных эквивалентов и склонения субстантивных производных). При этом бросается в глаза, с одной стороны, отсутствие аналитических форм с регулярным вспомогательным глаголом ‘быть, стать’ (в удинском — *bak-es*¹), широко распространенных в родственных языках, а с другой стороны, крайне скромный набор зависимых обстоятельственных форм («конвербов»), характерных для нахско-дагестанской семьи в целом. Тем не менее, многие яркие черты лезгинских глагольных систем находят свое отражение и в удинском

---

¹ Здесь и далее в качестве формы цитации глагольной лексики мы используем Инфинитив на *-es*, а не Масдар на *-(e)sun* (ср. *bak-sun* ‘быть, стать’), в отличие от практики, принятой в словаре В. Л. Гукасяна и большинстве грамматических описаний. Сделано это ввиду того, что в Инфинитиве морфологическая структура глагола видна более четко, тогда как в Масдаре она нередко затемняется различными фонетическими процессами (о которых см. раздел 7).

языке, а кроме того, в нем имеется и ряд интересных явлений, не имеющих параллелей среди его родственников по языковой группе.

Глагольная система удинского языка ранее уже являлась предметом описания, прежде всего в фундаментальных работах [Дирр 1904; Джейранишвили 1971; Панчвидзе 1974; Schulze 1982], ср. также [Schulze, to appear]; общие сведения об удинском глаголе можно почерпнуть и из кратких очерков [Панчвидзе, Джейранишвили 1967; Гукасян 1974а; Топуриа 2000; Джейранишвили 2001; Талибов, Майсак 2005; Schulze-Fürhoff 1994; Schulze 2001], а также [Harris 2002: ch. 2, ch. 9]. Тем не менее, представленное ниже описание отличается от предыдущих в том, что в нем: а) последовательно рассматривается именно глагольная парадигма современного ниджского диалекта; б) учитывается максимальный набор глагольных форм, ряд из которых не получил должного освещения (либо даже упоминания) в предшествующих работах; в) уделяется особое внимание формальной и семантической классификации глагольных форм с точки зрения их образования от исходных основ; г) предлагаются гипотезы о диахронической эволюции большинства нефинитных и финитных форм парадигмы.

Иллюстративным материалом послужили как примеры из словаря В. Л. Гукасяна [Гукасян 1974] и тексты на современном ниджском диалекте, опубликованные в последние годы [Кечаари 1996; Кеҹаари 2001], так и собственные полевые материалы автора и примеры, записанные в ходе экспедиций 2002—2006 гг. в с. Нидж Габалинского района Азербайджана и с. Дубовый Овраг Волгоградской области. За многочисленные дополнительные консультации мы искренне благодарим Владислава Дабакова, а также Дениса Куранхой и Аревику Даллаари. Положения, рассматриваемые в статье, обсуждались в ходе ее написания с Д. С. Ганенковым и Ю. А. Ландером, а также Н. Р. Добрушиной, Э. Харрис, А. Б. Шлуинским и В. Шульце, которым мы выражаем признательность за замечания и советы.

В начале работы характеризуется морфологическое устройство глагольных основ и глагольной словоформы удинского языка (раздел 1), отдельно описывается образование основ у нерегулярных глаголов (раздел 2). Образование и происхождение всех словоизменительных форм — в зависимости от производящей основы — под-

робно обсуждается в разделе 3. Раздел 4 посвящен «вторичным» глагольным формам, производным при помощи особых клитик, раздел 5 — способам выражения глагольного отрицания. Два продуктивных типа морфологической актантной деривации (каузатив и декаузатив) охарактеризованы в разделе 6. В разделе 7 дается обзор важнейших звуковых процессов, отмечаемых в глагольных формах — различных типов чередований и стяжений, в т. ч. и таких, которые характерны только для разговорной речи и не отражены в опубликованной литературе на удинском языке. Раздел 8 содержит образец полной глагольной парадигмы на примере одного регулярного глагола, а в Приложении обобщаются данные об исторически префиксальных глаголах удинского языка.

1. Структура глагольной словоформы

1.1. Простые глаголы

Структура синтетической глагольной словоформы предельно проста: в стандартном случае она включает основу и суффиксальный словоизменятельный показатель; ср. Инфинитив *bak-es* ‘быть, стать’, Презенс *bak-sa* ‘есть, бывает’, Перфект *bak-e* ‘был, стал’, Императив *bak-a* ‘будь, стань’ от глагола с основной *bak-* ‘быть, стать’.

Глаголов, которые на синхронном уровне могут быть признаны морфологически непроеводными, немного — по всей видимости, не более пяти-шести десятков. Их основы в подавляющем большинстве односложны и имеют слоговую структуру VC(C) или CVC(C), ср.:

- VC: *ak-es* ‘видеть’, *ef-es* ‘держать’, *uɬ-es* ‘пить’, *uk-es* ‘есть’ и др.;
- CVC: *bak-es* ‘быть, стать’, *beɬ-es* ‘смотреть’, *biq-es* ‘хватать, ловить’, *boχ-es* ‘варить’, *bot-es* ‘отрезать’, *bok-es* ‘гореть’², *duɬ-es* ‘бить’, *sak-es* ‘ронять’ и др.;

---

² Большое количество глаголов с начальным *b-* исторически объясняется, по всей видимости, наличием в глагольной основе окаменевшего классного префикса (общелезгинская категория именного класса в удинском была полностью утрачена).

- VCC: *arc-es* ‘сидиться’, *usk-es* ‘мерить’ и др.;
- CVCC: *bask-es* ‘ложиться, засыпать’, *berχ-es* ‘молотить’, *burq-es* ‘начинать’, *bašq-es* ‘красть’, *mand-es* ‘оставаться’, *čalχ-es* ‘знакомиться’ и др.

Несколько глаголов относятся одновременно к типам VC(C) и CVC(C), поскольку имеют факультативный начальный ларингал /h/: ср. *aq-es* || *haq-es* ‘брать’, *ajz-es* || *hajz-es* ‘вставить’ (вариант с начальным ларингалом в речи более распространен).

Основу частотных глаголов *b-es* ‘делать’ и *p-es* ‘говорить’ составляет единственный согласный (у ‘говорить’ в ряде форм выступает вариант *ɬ-*, см. ниже). Основа глагола *bi-es* ‘умирать’ имеет вид CV, хотя фонетически перед последующей гласной она, как правило, реализуется как *bij-* со структурой CVC. Вид CV имеет и дефектный стативный глагол *bu* ‘иметься, находиться’.

Немногочисленные двусложные основы простых глаголов, как правило, появились в результате переразложения бывших префиксальных производных: ср. *čovak-es* ‘проходить’ (видимо, из **čie-bak-es* с префиксом *čie-* ‘изнутри’), в котором *čovak-* ведет себя уже как непроизводная глагольная основа.

Позиция для инфиксального расположения клитик находится у простых глагольных основ перед последней согласной: ср. основы *u-k-* ‘есть’, *bo-χ-* ‘варить’, *ar-c-* ‘сидиться’, *bur-q-* ‘начинать’, *čova-k-* ‘проходить’, в которых позиция клитики отмечена знаком = (см. также раздел 4 ниже). У основ *b-* ‘делать’ и *p-* ‘говорить’, состоящих из одного согласного, а также у основ *bi-* ‘умирать’ и *bu* ‘иметься, находиться’, имеющих вид CV, инфиксальная позиция отсутствует.

1.2. Сложные глаголы

Подавляющее большинство удинских глагольных лексем имеют составную структуру: «неспрягаемая часть + служебный глагол».

Только три **служебных глагола**³ выступают также независимо

---

³ Здесь и далее под «служебным глаголом» (ср. англ. термин *light verb*, букв. «легкий глагол») мы понимаем именно составную часть сложной глагольной лексемы, т. е. словообразовательный компонент, тогда как под

в качестве самостоятельных лексем — это *bak-es* ‘быть, стать’ (образующий непереходные глаголы типа *kala-bak-es* ‘вырастать, становиться большим’), *b-es* ‘делать’ (образующий переходные глаголы типа *mulq-b-es* ‘радовать’) и *p-es* ‘говорить’. Сложные глаголы с компонентами ‘стать’ и ‘делать’ с большой регулярностью образуют инхоативно-каузативные пары и наиболее близки к свободными сочетаниям. Вместе с тем, идиоматичность многих подобных сочетаний и отсутствие у них явных отличий от других типов сложных глаголов позволяет считать и единицы данного класса цельными глагольными лексемами (в этом мы также следуем практике, принятой в словаре [Гукасян 1974]). Производные с элементом *p-es* ‘говорить’ включают широкий круг глаголов речи и звука, равно как и другие лексем, основной актанта которых оформляется эргативом (ср. *qolq-p-es* ‘кашлять’, *malb-p-es* ‘петь’, *aχšlum-p-es* ‘смеяться’, *sam-p-es* ‘писать’) или, реже, абсолютивом (ср. *tara-p-es* ‘поворачиваться; гулять’, *čur-p-es* ‘останавливаться, стоять’ и пр.).

Еще один служебный глагол, который мы условно обозначим как *es-*, может быть признан дефектным глаголом движения — по типу словоизменения он наиболее близок к последним, хотя и не совпадает с ними полностью (см. ниже). Он образует декаузативные производные типа *ak-es-es* ‘виднеться’, *boχ-es-es* ‘вариться’, *gir-es-es* ‘собираться вместе’. Составной частью ряда переходных лексем является служебный элемент *d-* (ср. *gal-d-es* ‘трогать, шевелить’, *žlal-d-es* ‘кипятить’ и пр.), который также образует каузативную конструкцию (см. раздел 6.2) и, по всей видимости, восходит к ныне самостоятельно не используемому простому глаголу.

В литературе обычно выделяются и другие элементы в составе сложных глаголов, хотя они крайне редки и «служебными глаголами» их можно назвать лишь условно, по аналогии с указанными выше. К таким элементам относят *k-*, *q-*, *q:-*, *t-*, *χ-* и иногда некоторые другие — как самостоятельные глаголы они не используются и их выделение возможно лишь на основе словообразовательного, а то и более глубокого этимологического анализа; см. [Harris 2002: 64ff, 200ff;

«вспомогательным глаголом» (ср. англ. *auxiliary verb*) — часть аналитической глагольной словоформы.

Schulze, to appear: 3.4.2.2]. В большинстве своем глаголы с данными элементами имеют слоговую структуру (C)VCC, и синхронно они не отличаются принципиально от простых глагольных лексем аналогичной структуры (типа приведенных выше в разделе 1.1).

Так, например, говорить о служебном элементе *-k-* в составе глагола *bat-k-es* 'утопать, погружаться (в воду), гибнуть' можно на основании того, что корень *bat-* скорее всего заимствован из азербайджанского *bat-* 'тонуть'. Кроме того, *-k-* может быть приписан статус самостоятельной морфемы в глаголах *but-k-es* 'закрывать' и *oc-k-es* 'мыть, стирать' вследствие того, что существуют самостоятельные атрибутивные лексемы *but* 'закрытый' и *oc* 'вымытый', приводимые в словаре В. Л. Гукасяна в виде отдельных словарных входов. Впрочем, это не дает основания усматривать служебный глагол *-k-* в любых основах структуры (C)VCC с конечным *-k-* (типа *bask-es* 'ложиться, засыпать', *usk-es* 'мерить' и т. п.).

Особую группу занимают явно производные лексемы с формантом *-evk-*, образующие каузативные эквиваленты исходных глаголов (ср. *ec-es* 'пересыхать' ~ *ec-evk-es* 'осушать', *tit-es* 'бежать' ~ *tit-evk-es* 'угонять; дать убежать', *hajz-es* 'вставать' ~ *hajz-evk-es* 'будить, поднимать на ноги'); всего в словаре В. Л. Гукасяна десять таких лексем. Связанный корень *-vk-* отмечается у нескольких исторически префиксальных глаголов (см. Приложение), и не исключено, что **evk-es* исходно являлся вспомогательным каузативным глаголом. Синхронно отделимым в составе данных лексем — при внедрении лично-числовой клитики внутрь словоформы — является лишь последний согласный основы, т. е. *-k-* (ср. *hajzev-e-k-i* 'разбудил'), однако один только этот факт опять-таки не позволяет говорить о статусе *-k-* как «служебного глагола».

Что касается возможности выделения особого служебного элемента *-t-* в переходных глаголах типа *eIχ-t-es* 'брать', *laf(t)-t-es* 'прикасаться', *tuk-t-es* 'клевать' и пр., то эта возможность также крайне сомнительна, поскольку *-t-* появляется лишь в особых фонетических контекстах (см. о них раздел 7). Реально же в подавляющем большинстве случаев здесь представлен *d-*, что видно по тем формам, в которых последний согласный отделяется лично-числовым показателем; ср. формы прошедшего времени *eIχ-e-d-i* 'взял',

laft-e-d-i ‘коснулся’ и пр. Здесь *d-* является либо тем самым каузативным служебным элементом *d-*, о котором уже шла речь выше, либо просто частью корня (определить это можно лишь при этимологическом анализе основы).

Все служебные глаголы удинского языка обладают двумя важными формальными свойствами. Во-первых, при инфиксальном расположении клитик они всегда занимают позицию между «неспрягаемой» и служебной частями сложной лексемы: ср. *kala-ne-bak-i* ‘вырос, увеличился’, *mulq-e-b-i* ‘обрадовался’, *čur-e-p-i* ‘остановился’ и пр. с клитикой 3-го лица ед. ч. *-ne* || *-e*. Во-вторых, у производных, содержащих одну и ту же «неспрягаемую часть», служебные глаголы всегда парадигматически противопоставлены — это означает, что в одном сложном глаголе может быть только один служебный компонент, служебные глаголы не могут «нанализываться» один на другой. В трудных случаях эти свойства позволяют определить, содержит ли лексема служебный элемент, или же соответствующий согласный относится к корню. Так, например, соответствие *gur-e-d-i* ‘всунул’ ~ *gur-e-c-i* ‘влез’ однозначно указывает на то, что элемент *-d-* в глаголе *gur-d-es* ‘совать’ является служебным глаголом (иначе декаузатив имел бы вид **gurd-e-c-i* ‘влез’). С другой стороны, в форме *ta-ne-d-i* ‘дал’ компонент *-d-*, который можно также принять за служебный элемент, несомненно является частью корня: ср. декаузативную производную *tad-e-c-i* ‘был дан’ (глагол *tad-es* ‘давать’ будет также рассмотрен ниже в разделе об исторически префиксальных глаголах).

Наряду с полностью лексикализованными сложными глаголами, составные части которых (даже если они восходят к отдельным морфемам) синхронно не обладают самостоятельным статусом, имеются и сложные глаголы, представляющие собой достаточно прозрачные по форме, хотя и нередко идиоматические по значению сочетания имени и полнозначной лексемы: ср. *jaq:a-belʔ-es* ‘ждать’ (< «на дорогу смотреть»), *čavar-(h)aq-es* ‘спрашивать’ (< «известие брать»), *äfči-duv-es* ‘обманывать’ (< «ложь ударять») и т. п. Таким образом, класс сложных глаголов в принципе открыт и может пополняться новыми единицами — аналогично тому, как простые глаголы могут пополняться бывшими сложными, компоненты которых утрачивают самостоятельное употребление.

Что касается «**неспрягаемой части**», то у регулярно образующихся сложных глаголов с элементами *bak-*, *b-*, *p-*, а отчасти также с «декаузативным» *ec-* и «каузативным» *d-*, в ее роли обычно выступают прилагательные и существительные, иногда наречия, в т. ч. лексикализованные падежные формы (см. таблицу 1). У ряда сложных глаголов «неспрягаемая часть» не существует вне соответствующей сложной лексемы; ср., например, элемент *čur-* в производных *čur-p-es* ‘останавливаться, стоять’, *čur-d-es* ‘останавливать’, *čur-ec-es* ‘хотеть, любить; просить’. Морфологически связанными являются и достаточно многочисленные заимствованные азербайджанские основы на *-miš* (> *-jnš*) и *-lamiš* (> *-lajnš*), ср. *amiš-bak-es* ‘заблудиться’, *jašajnš-(b-)es* ‘жить’, *iräzilajnš-bak-es* ‘соглашаться’ и пр.

Завершая разговор о структуре удинских глаголов, заметим, что непереходными являются лишь несколько простых лексем, подавляющее большинство производных с элементами *bak-* ‘быть; стать’ и *ec-* (условно, ‘двигаться’), а также несколько производных с *p-* ‘говорить’. Как правило, переходными эквивалентами глаголов на *bak-* являются глаголы с элементом *b-* ‘делать’ (ср. *xoχ-bak-es* ‘разбиваться, ломаться’ ~ *xoχ-b-es* ‘разбивать, ломать’); глаголам на *p-* и *ec-* могут соответствовать как простые переходные глаголы, так и сложные глаголы с различными служебными элементами (ср. *čur-p-es* ‘останавливаться’ ~ *čur-d-es* ‘останавливать’).

Учитывая большую продуктивность глаголов на *-ec-es*, возникает соблазн не рассматривать их в качестве особой группы лексем, а считать морфему *-ec-* || *-e-* в их составе словоизменительным показателем «медиопассива»⁴. Следует, однако, учесть, что эта морфема присоединяется не только к глагольным основам, модифицируя их актантную структуру (ср. прошедшее время *boχ-ec-e* ‘сварилось’, при исходном *boχ-e* ‘сварил’ с корнем *boχ-* ‘варить’), но и к именным (ср. *toj-d-es* ‘продавать’ ~ *toj-ec-es* ‘продаваться, быть проданным’ при исходном имени *toj* ‘цена’). Тем самым, служебная морфема *-ec-* || *-e-* выступает и как словообразовательный показатель

⁴ Так, В. Л. Гукасян говорит о том, что «в определенных случаях сложный формант *ec-ун* используется для выражения страдательного залога» [Гукасян 1974а: 283]. Ср. также обсуждение данного вопроса в [Harris 2002: 265—267].

«вербализации», а не только как аффикс актантной деривации при исходно глагольных основах.

Таблица 1. Примеры сложных глаголов

Неспрягаемая часть	Служебный глагол	Сложный глагол
<i>χοχ</i> 'сломанный, разбитый'	<i>bak-</i> 'стать' <i>b-</i> 'делать'	<i>χοχ-bak-es</i> 'разбиваться, ломаться' <i>χοχ-b-es</i> 'разбивать, ломать'
<i>ḥloč̣la</i> 'красный, румяный'	<i>bak-</i> 'стать' <i>b-</i> 'делать'	<i>ḥloč̣la-bak-es</i> 'краснеть' <i>ḥloč̣la-b-es</i> 'красить в красный цвет, румянить'
<i>gam</i> 'теплый, горячий'	<i>bak-</i> 'стать' <i>d-</i> (каузатив) <i>ec-</i> (декаузатив)	<i>gam-bak-es</i> 'быть горячим, теплым' <i>gam-d-es</i> 'греть, согревать' <i>gam-ec-es</i> 'греться, согреваться'
<i>χε</i> 'вода'	<i>bak-</i> 'стать' <i>b-</i> 'делать'	<i>χε-bak-es</i> 'таять, растворяться' <i>χε-b-es</i> 'топить, растворять'
<i>lašlkoj</i> 'свадьба'	<i>bak-</i> 'стать' <i>b-</i> 'делать'	<i>lašlkoj-bak-es</i> 'жениться' <i>lašlkoj-b-es</i> 'женить'
<i>ala</i> 'наверх, наверху'	<i>bak-</i> 'стать' <i>b-</i> 'делать'	<i>ala-bak-es</i> 'подниматься наверх, вставать на ноги' <i>ala-b-es</i> 'поднимать наверх'
<i>ap-aχ</i> ⁵ 'в поту' (< <i>ap</i> : 'пот')	<i>bak-</i> 'стать' <i>b-</i> 'делать'	<i>ap-aχ-bak-es</i> 'потеть, вспотеть' <i>ap-aχ-b-es</i> 'вгонять в пот, делать потным'
<i>očlal-aχ</i> 'в земле' (< <i>očlal</i> 'земля')	<i>b-</i> 'делать'	<i>očlal-aχ-b-es</i> 'зарывать, хоронить'

1.3. Исторически префиксальные глаголы

Особую группу простых глаголов составляют лексемы, в которых исторически выделяются пространственные превербы *la-* 'наверх', *si-* 'вниз', *ba-* 'внутри', *če-* 'изнутри' и др. Выделение этих превербов возможно лишь на основе сопоставления нескольких рядов глаголов

⁵ Дательный падеж на *-aχ* в современном ниджском диалекте используется только у личных местоимений, а также сохраняется в некоторых лексикализованных наречных формах; у прочих существительных во всех контекстах выступает датив на *-a* (подробнее см. [Ганенков, наст. сб.]).

с совпадающей начальной частью, а отчасти также на основе особенностей словоизменения (см. раздел 2); ср. *e-j-es* ‘приходить’ ~ *ta-j-es* ‘уходить’ ~ *la-j-es* ‘подниматься’ ~ *ci-j-es* ‘спускаться’ ~ *ba-j-es* ‘входить’ ~ *če-j-es* ‘выходить’ и пр. Полный список исторически префиксальных глаголов, которые удастся выделить в современном языке, см. в Приложении.

Корни, используемые в исторически префиксальных глаголах, в большинстве случаев связанные (т. е. не используются без соответствующих приставок). Однако среди корней префиксальных глаголов встречаются *p-*, *d-* и *bak-*, функционирующие также в составе сложных глаголов как служебные элементы (см. выше). Не исключено, что исторически префиксальные глаголы с этими корнями возникли именно как сложные глагольные лексемы, в которых «неспрягаемой частью» были наречия типа *la-*, *ba-*, *ci-* и т. п., впоследствии вышедшие из употребления. Ср. в этой связи достаточно регулярные сочетания наречия и служебного глагола в современном языке типа *ala-bak-es* ‘подниматься’ и *ala-b-es* ‘поднимать’ (от наречия *ala* ‘наверху’), или *oqa-bak-es* ‘нагибаться’ и *oqa-b-es* ‘опускать, нагибать’ (от наречия *oqa* ‘внизу’). Тем не менее, даже при таком диахроническом сценарии стоит признать, что как минимум часть подобных лексем подверглась переразложению, в результате которого бывшее наречие и служебный элемент образовали единый корень. На это указывает, в частности, уже упоминавшаяся выше возможность образования производных сложных лексем типа *tad=e-c-i* ‘был дан’ (от основы *tad-* ‘давать’, при исходном **ta-d-* с префиксом *ta-* ‘от’), а также инфиксальное расположение клитик перед последней согласной, а не перед бывшим служебным элементом (ср. *čova-ne-k-i* ‘прошел’, при исходной структуре **če-bak-* с префиксом *če-* ‘изнутри’).

1.4. Грамматические морфемы

Словоизменительные формы глагола образуются главным образом при помощи **суффиксов** (см. раздел 3); особых словоизменительных префиксов или инфиксов в удинском языке нет, хотя префиксальная либо инфиксальная позиции могут быть заняты некоторыми видами клитик.

В образовании видо-временных форм используются также **формообразующие клитики**, некоторые из которых, впрочем, линейно не обязательно примыкают к глаголу. Часть из них (как, например, показатель отрицания *ma-* у повелительных форм) предпочитают препозитивную позицию, другие (как, например, клитика прошедшего времени *-j*) возможны исключительно в постпозиции; см. подробнее раздел 4. Особой группой клитик являются **лично-числовые показатели**, обязательные во всех финитных клаузах (они отсутствуют только в высказываниях с Императивом 2-го лица ед. ч. и Гортативом). Возможно и образование «клитических комплексов» из формообразующей клитики и лично-числового показателя. Такие комплексы также могут располагаться как на глагольной словоформе, так и вне ее.

В случае, если клитика или клитический комплекс располагаются на словоформе простого глагола, они могут занимать внутри нее инфиксальную позицию (располагаясь перед последней согласной корня). У сложных глаголов клитики в аналогичной ситуации располагаются между «неспрягаемой частью» и служебным глаголом. Морфосинтаксическое поведение удинских клитик — в т. ч. явление «эндоклизиса», т. е. «вклинивания» внутрь простой глагольной основы, — подробно рассмотрено в монографии [Harris 2002] и здесь мы не будем останавливаться на нем подробно; см. также рецензии на данную работу [Майсак 2003; Schulze 2002; 2004; Rice 2004].

В качестве предварительной иллюстрации приведем несколько примеров удинских словоформ с показателем Перфекта *-e*, а также с различными клитиками, возможными при данной форме:

Словоформа	Морфемный анализ	Перевод
bak-e-ne	быть-PERF=3SG	‘(он) был/стал’
ba-ne-k-e	быть=3SG=ST-PERF	‘(он) был/стал’
te-ne bak-e	NEG=3SG быть-PERF	‘(он) не был/стал’
ba-te-ne-k-e	быть=NEG=3SG=ST-PERF	‘(он) не был/стал’
bak-e-q:a-n	быть-PERF=JUSS=3SG	‘чтобы был/стал’
ma-q:a-n bak-e	PRON=JUSS=3SG быть-PERF	‘чтобы не был/стал’
χοχ-bak-e-ne	ломаться-LV-PERF=3SG	‘(он) сломался’
χοχ-e-bak-e	ломаться=3SG=LV-PERF	‘(он) сломался’
χοχ-te-ne-bak-e	ломаться=NEG=3SG=LV-PERF	‘(он) не сломался’
χοχ-ma-q:a-n-bak-e	ломаться=PRON=JUSS=3SG=LV-PERF	‘чтобы не сломался’

2. Основы нерегулярных глаголов

Подавляющее большинство **простых глаголов** образуют все формы парадигмы от одной основы. Исключение составляет небольшая группа глаголов движения и каузации движения, у которых выделяется от двух до четырех основ, а также лексемы ‘говорить’, ‘есть’ и ‘умирать’, имеющие по две или три основы.

Группа нерегулярных глаголов движения включает шесть лексем, у которых выделяются исторические префиксы *ta-* ‘от’, *ba-* ‘внутри’, *č'e-* ‘изнутри’, *la-* ‘наверх’ и пр. (см. Приложение). Эти шесть глаголов различают по четыре основы: совершенного вида (СВ), несовершенного вида (НСВ), инфинитива и императива; см. таблицу 2. Из всех нерегулярных глаголов особая основа императива представлена только у этой группы (не вполне регулярное соответствие основ императива и инфинитива отмечается также у глагола ‘говорить’). Инфиксальная позиция в данной основе находится, по общему правилу, перед последним согласным: ср. *ta-ma-k-i* ‘не уходи’.

Диахронически, скорее всего, основы императива и инфинитива совпадали, а согласный /j/ в основе инфинитива глаголов движения мог появиться в результате частотного в удинском языке перехода /k/ > /j/ (ср. также раздел 7.2)⁶. Конечный йот в основе инфинитива выступает непосредственно перед показателем Инфинитива *-es* либо Презенса *-sa*, однако отсутствует в случае, если инфиксальная позиция занята клитикой: ср. *taj-es* ‘уходить’, *taj-sa* ‘идет’, но *ta-ne-sa* ‘он идет’, *ta-tun-sa* ‘они идут’. В связи с тем, что инфиксальное расположение клитики у простых глаголов возможно только перед последним согласным основы, следует считать, что в формах типа *ta-ne-sa* ‘он идет’ последний согласный основы инфинитива реализуется нулем звука (ср. *ta-ne=∅-sa*, возможно из исходного **ta-ne-j-sa*).

---

⁶ По мнению Э. Харрис, основа *ej-* может происходить из *ev-* (в таком случае исходно тождественны основы инфинитива и причастия НСВ), хотя это предположение имеет и свои минусы, указываемые автором [Harris 2002: 223—224]. Возможность объединения основ типа *ej-* и *ev-* на историческом уровне признается и В. Шульце, см. [Schulze-Fürhoff 1994: 474].

У шести глаголов движения имеется и особая основа НСВ, ее показателем является согласный *-v-*, перед которым располагается инфиксальная позиция: ср. *ta-ne-v-o* ‘он пойдет’.

По типу основы СВ глаголы движения делятся на две группы: у трех глаголов она имеет показатель *-c-*, еще у трех — показатель *-r-*, который встречается и у ряда других нерегулярных лексем. Показатель *-c-* по общему правилу отделяется клистикой при ее инфиксальном расположении, ср. *ta-ne-c-i* ‘он ушел’, *ta-tun-c-i* ‘они ушли’.

У большой группы простых глаголов нерегулярной является только основа СВ, образующаяся от исходной основы при помощи показателя *-r-* || *-er-* (алломорф *-er-* выступает после основ с исходом на согласный). К ним относятся глаголы каузации движения с корнем *-č-* || *-š-* ‘нести, вести’, которые исторически включают пространственные превербы⁷, а также глаголы движения ‘бежать’ и ‘вставать’. По всей видимости, тот же показатель *-r-* можно усмотреть и в супплетивной основе СВ глагола ‘умирать’. Особое свойство этого конечного *-r-* || *-er-* основы СВ состоит в том, что он всегда слит с исходной основой и не отделяется при инфиксации. Инфиксальная позиция находится перед последним согласным исходной основы, ср. *e-ne-č-er-i* ‘он принес’, *haj-e-z-er-i* ‘он встал’, *ti-ne-t-er-i* ‘он убежал’ и т. п. Те же глаголы, которые в основе СВ, за вычетом конечного *-r-*, имеют исход на гласный, инфиксацию в формах СВ не допускают (клитки в таком случае обычно располагаются постпозитивно, ср. *har-e-ne* ‘он пришел’, *plur-e-ne* ‘он умер’).

Супплетивную основу СВ *kāj-* имеет и глагол ‘есть’ — эта основа не имеет показателя *-c-* или *-r-* и, скорее всего, включает тот же корневой согласный /k/, что и в основе инфинитива *uk-es*.

Наконец, «самым нерегулярным» из нерегулярных глаголов является ‘говорить’. Основа НСВ *uk-* образуется у него супплетивно, в прочих основах выступают *p-* либо *up-*: вариант *p-* в основе СВ, *up-*

---

⁷ Редкий в современном языке глагол *čič-es*, вероятно, мог исторически включать префикс *če-* ‘изнутри’ (начальный согласный которого перешел в /č/ по аналогии с корневым согласным?), что, впрочем, не бесспорно. К этой же группе глаголов относятся и *lajč-es* ‘поднимать’, *bajč-es* ‘вносить’, отмечаемые только для варташенского диалекта, см. [Harris 2002: 68—69].

в основе императива, а в основе инфинитива возможны оба варианта (*p-* используется в исходной форме Инфинитива и, реже, Масдара, а *up-* в Масдаре и косвенных падежах Инфинитива). Уникален этот глагол и тем, что только у него имеется особая форма Презенса без показателя *-sa* — полной формой Презенса является *пex*, к которой постпозитивно присоединяются лично-числовые клитики; в случае же, если клитики примыкают не к глагольной словоформе, используется сокращенный вариант Презенса *пe*. Инфиксальную позицию перед конечным согласным имеет только основа НСВ *uk-*, ср. *u-pe-k-o* ‘он скажет’.

Таким образом, всего имеется пять групп нерегулярных простых глаголов; см. таблицу 2.

Таблица 2. Основы нерегулярных простых глаголов

Глаголы	Основа СВ (Аорист)	Основа инф. (Инфинитив)	Основа имп. (Императив)	Основа НСВ (Будущее)
1а.				
‘уходить’	taс-i	ta(j)-es	tak-i	taв-al
‘входить’	baс-i	ba(j)-es	bak-i	baв-al
‘подниматься’	laс-i	la(j)-es	lak-i	lav-al
1б.				
‘приходить’	har-i	e(j)-es	ek-i	ev-al
‘выходить’	č:er-i	č:e(j)-es	č:ek-i	č:ev-al
‘спускаться’	cir-i	ci(j)-es	cik-i	civ-al
2.				
‘уносить’	tašer-i	taš-es	taš-a	taš-al
‘приносить’	ečer-i	eč-es	eč-a	eč-al
‘вынимать’	čičer-i	čič-es	čič-a	čič-al
‘вставать’	hajzer-i	hajz-es	hajz-a	hajz-al
‘бежать’	tit:er-i	tit:-es	tit:-a	tit:-al
‘умирать’	p:ur-i	bi(j)-es	bij-a	bij-al
4.				
‘есть’	käj-i	uk-es	uk-a	uk-al
5.				
‘говорить’	p-i	(u)p-es	up-a	uk:-al

Кроме того, дефектную парадигму имеет стивный глагол *bu* ‘иметься, находиться’, используемый главным образом при описании

обладания и местонахождения. У него две формы, немаркированное настоящее время *bi* и прошедшее время *bi-j*, образуемое при помощи клитики прошедшего времени (см. раздел 4.1). Во всех прочих контекстах, требующих использования данной лексемы, употребляются формы от стандартного глагола *bak-es* ‘быть, стать’⁸.

Таблица 3. Основы нерегулярных сложных глаголов

Глаголы	Осн. СВ (Аорист)	Осн. инф. (Инфинитив)	Презенс	Осн. имп. (Императив)	Осн. НСВ (Будущее)
1. -ес-					
‘уходить’	tac-i	taj-es	taj-sa	tak-i	taв-al
‘полюбить’	čur-ec-i	čur-ec-es	čur-e-sa	čur-ek-i	čur-ев-al
‘греться’	gam-ec-i	gam-ec-es	gam-e-sa	gam-ek-i	gam-ев-al
2. -р-					
‘говорить’	p-i	p-es	neχ ne	up-a	uk:al
‘плакать’	oIneI-p-i	oIneI-p-es	oIneI-ne	oIneI-p-a	oIneI-k:al
‘читать’	k:al-p-i	k:al-p-es	k:al-e	k:al-p-a	k:al-k:al
‘пускать’	bar-t-i	bar-t-es	bar-e	bar-t-a	bar-k:al

Что касается нерегулярных **сложных глаголов**, то к ним относятся две группы; см. таблицу 3 (для сравнения приведены основы простых лексем ‘уходить’ и ‘говорить’). Одна из них — декаузативы со служебной частью -ес- || -е-, которую можно считать дефектным глаголом движения, поскольку спрягается она сходным образом: как и глаголы движения, декаузативный компонент имеет основу СВ на -с-, основу императива на -k- и основу НСВ на -в-. Однако нерегулярность сложных декаузативов проявляется еще и в том, что собственно Инфинитив образуется у них от основы СВ на -с-, а не от основы инфинитива, как Масдар или Презенс: ср. Инфинитив *boχ-ec-es* ‘вариться’ при Масдаре *boχ-e-sun* (но не **boχ-ec-esun*) и Презенсе *boχ-e-sa* ‘варится’ (но не **boχ-ec-esa*). Заметим, что именно при

⁸ Частотная лексема *ava* ‘знающий’, управляющая эргативом и во многих употреблениях соответствующая русскому глаголу ‘знать’, не является дефектным стативным глаголом, а морфосинтаксически относится к прилагательным (в частности, она может выступать в роли определения и склоняется по атрибутивному склонению, что невозможно для глагола *bi*).

стандартном образовании Инфинитива эти глаголы были бы неотличимы от исходных простых лексем типа *boχ-es* ‘варить’; в прочих формах такого совпадения не происходит. Во-первых, у сложных декаузативов безударное *-e-* перед показателями Масдара или Презенса всегда сохраняется (ср. *boχ-e-sun* ‘вариться’, но *boχ-sun* ‘варить’). Во-вторых, при наличии лично-числовой клитики формы Презенса простых и сложных глаголов различаются по месту ее расположения: согласно общему правилу, у простых глаголов она находится перед последней согласной корня (ср. *bo-ne-χ-sa* ‘варит’), тогда как у сложных декаузативов — перед формальным невыраженным служебным компонентом (ср. *boχ=e-Ø-sa* ‘варится’).

У другой группы — со служебной частью *-p-* ‘говорить’, — вторая часть сложного глагола спрягается так же, как полнозначный глагол речи, за исключением того, что в императиве и основе причастия НСВ теряется начальный гласный *u-* (ср. *up-a* > *-p-a*, *uk-al* > *-k-al*). Кроме того, в Презенсе сложных глаголов используется только краткая форма *-ne* (после гласного), либо ее вариант *-e* (после согласного): ср. *cam-p-es* ‘писать’ ~ *cam=e-ne* ‘он пишет’ ~ *te-ne cam-e* ‘он не пишет’. Нестандартное словоизменение имеет лексема *bar-t-es* ‘пускать, разрешать’, который ведет себя как сложный глагол с неспрягаемой частью *bar-* и служебным компонентом *p-*, однако вместо собственно алломорфа *p-* в основах СВ и императива, а также в Инфинитиве у него выступает *-t-*.

Итак, всего неправильных простых глаголов имеется менее двух десятков, хотя среди них много чрезвычайно частотных лексем. Число нерегулярных сложных глаголов исчисляется многими десятками, если не сотнями, за счет продуктивного использования частотных служебных элементов *p-* и *es-* с нерегулярным словоизменением.

3. Образование и происхождение словоизменительных форм

Существование четырех основ, пусть даже и различаемых лишь у части простых глаголов, позволяет нам разделить все глагольные формы на четыре группы. Эти четыре группы форм с семантиче-

ской точки зрения достаточно прозрачны: от основы **совершенного вида** (СВ) производны нефинитные формы совершенного вида и три финитные формы совершенного вида прошедшего времени, от основа **инфинитива** образуется собственно Инфинитив и производные от него формы, от основы **императива** образуется только Императив. Менее очевидна связь между теми — наиболее многочисленными — формами, которые происходят от основы **несовершенного вида** (НСВ) / будущего времени, однако, как будет показано ниже, эта связь также вполне закономерна с диахронической точки зрения⁹.

3.1. Формы от основы совершенного вида

От основы совершенного вида образуются:

- Причастие/деепричастие совершенного вида, показатель *-i*;
- Аорист, показатель *-i*;
- Перфект, показатель *-e*;
- Второй (результативный) перфект, показатель *-iʃo*;
- Контрфактив (контрфактическая условная форма), показатель *-iʃi*.

Форма на *-i* выступает как в функции причастия СВ (например, в позиции определения), так и в функции деепричастия СВ (при передаче последовательности сменяющих друг друга событий), ср. атрибутивные употребление типа *ʒɪaldi ɣe* ‘кипяченая вода’, *k:alpi amdar* ‘ученый человек’, *k:alpi q:opav* ‘званный гость’, *baʒqɪ eiʒɪ* ‘краденое яблоко’, а также деепричастное употребление:

- (1) kalna-n äjl-uv-o k:al-p-i p-i-ne: (...)
 бабушка-ERG ребенок-PL-DAT звать-LV-AOC говорить-AOR=3SG
 Бабушка **позвала** детей и сказала: (...). [КеçаагӀ 2001: 123]

⁹ Аналогичная классификация глагольных форм принята в работах В. Шульце и Э. Харрис. В частности, Э. Харрис справедливо отмечает недостатки предшествующих классификаций Е. Джейранишвили и В. Панчвидзе, которые выделяли три группы глагольных форм, причем в одну группу попадали, например, Аорист, Перфект, Будущее потенциальное и Конъюнктив, а в другую — Будущее основное; см. подробнее [Harris 2002: 41—43].

(2) ič-ov-oj paj-a eIχ-t-i č:er-i
сам-PL-GEN часть-DAT братъ-LV-АОС выходить-АОС

ta:tun-c-i.

уходить=3PL=ST-AOR

Они **взяли** каждый свою долю и **разошлись** (букв. *взяв, выйдя, ушли*).

Как и все прилагательные и причастия, форма на *-i* может субстантивироваться и склоняется по атрибутивному склонению; см. таблицу 4. (Ср. также подробнее обсуждение статуса причастия/деепричастия СВ в статье [Ландер, наст. сб.].)

Аорист отличается от причастия/деепричастия СВ только тем, что выступает в финитных клаузах, в которых обязательно выражение лично-числового согласования (ср. формы *p-i-ne* ‘сказала’ или *ta:tun-c-i* ‘ушли’ в примерах выше). Исторически Аорист, скорее всего, представляет собой сочетание деепричастия СВ и глагола-связки настоящего времени — ср. исходные структуры типа «сказав есть», «уйдя есть» и пр., — аналогичным образом устроены формы прошедшего времени в целом ряде родственных языков.

В отличие от Аориста, вторая основная форма прошедшего времени — Перфект на *-e* — используется только как финитная форма, ср. *bak-e-ne* ‘он был, стал’, *har-e-ne* ‘он пришел’ и т. п. Как у Аориста, так и у Перфекта личные клитики не обязательно располагаются непосредственно на глагольной словоформе.

В речи встречается также сокращенная форма Перфекта без показателя *-e*, которая всегда сопровождается энклитическими личными показателями; ср. *har-tun* ‘они пришли’, *č:er-tun* ‘они вышли’, *p:ur-tun* ‘они умерли’ и пр. (ср. (28))¹⁰. Засвидетельствована сокращенная форма только у нескольких нерегулярных глаголов с основой СВ на *-r*, потому в общую парадигму глагола мы ее не включаем. Заметим, однако, что «сокращенный Перфект» нельзя

¹⁰ Формы 3-го лица ед. ч. типа *har-e* [приходить:PERF=3SG] совпадают с формой Перфекта без личной клитики, ср. *har-e* [приходить-PERF]; различить их можно по тому признаку, что во втором случае личная клитика должна располагаться на другой словоформе в той же клаузе.

считать просто разговорным вариантом Перфекта с окказиональным выпадением показателя *-e* — одним из аргументов в пользу этого может служить то, что сокращенная форма встречается в письменных текстах Г. А. Кечаари, в которых чисто разговорные явления, связанные с фонетической редукцией частотных форм, последовательно избегаются. Кроме того, по мнению носителей, Перфект и «сокращенный» Перфект близки, но не тождественны по значению.

Результативный перфект произведен от формы на *-i* — исторически это, скорее всего, субстантивированная форма причастия с показателем субстантивации *-o* (абсолютив, ед. ч.)¹¹. Ср. причастие *bask-i-jo* ‘заснувший’ и Результативный перфект *bas=e-k-ijo* ‘он заснул, он спит’ с инфиксальным расположением личной клитики.

Что касается Контрфактива на *-iji*, то эта форма всегда используется с клиткой прошедшего времени *=j || =ij* (см. о ней раздел 4.1), следующей за лично-числовым показателем, ср. *čur-p-iji-n-ij* ‘если бы он остался’, *ava-bak-iji-n-ij* ‘если бы он узнал’ и т. п. В речи показатель *-iji* может упрощаться до *-i-*, ср. *p-iji-n-ij ~ p-i-n-ij* ‘если бы он сказал’. Исторически показатель *-iji* скорее всего происходит от сочетания Аориста с условной частицей *gi-* (ср. *bak-iji-n-ij < *bak-i gi-n-ij*). Эта частица используется в варташенском диалекте, однако в ниджском сохранилась лишь в морфологизованном виде в формах Контрфактива и Кондиционала (см. раздел 3.4)¹².

Возможно, что именно от основы СВ были образованы также древние отглагольные имена на *-un*, с происхождением которого нет полной ясности; см. о них ниже.

---

¹¹ Хотя окончания субстантивированных причастий СВ, как правило, записываются как *-io*, — в частности, в словаре В. Л. Гукасяна, — в речи они всегда произносятся со вставкой йота, так же как и в других сочетаниях гласной *i* и последующей гласной (ср. *mija* ‘здесь’, *bijamun* ‘до смерти’ и т. п.).

¹² Сопоставление варташенской формы «Перфект + частица *gi-*» и ниджской формы на *-iji-* как эквивалентных форм глагольной парадигмы проводится у В. Панчвидзе, который также считает ниджский вариант производным; см. [Панчвидзе 1974: 165]. Аналогично, В. Шульце отмечает, что варташенское *gi-* перешло в ниджском в *i-*, см. [Schulze-Fürhoff 1994: 478].

3.2. Формы от основы инфинитива

От основы инфинитива образуются:

- собственно Инфинитив, показатель *-(e)s*;
исторически производные от Инфинитива:
- Масдар (отглагольное имя), показатель *-(e)sun*;
- Презенс, показатель *-(e)sa*;
- периферийная дуративная форма, показатель *-(e)saχ*;
а также, по всей видимости,
- «старый» Масдар (ныне непродуктивный), показатель *-un*.

Показатель Инфинитива *-s* возводится к пралезгинскому уровню; инфинитивы («целевые формы») образуются при помощи данного суффикса в большинстве современных языков группы, а исторически **-s* представляет собой окончание общелезгинского дательного падежа [Алексеев 1985: 45, 100].

Масдар на *-(e)sun* исторически представляет собой форму генитива либо эргатива от Инфинитива. Как Инфинитив, так и Масдар склоняются по субстантивному склонению, хотя и не все падежные формы у них являются употребительными: в качестве достаточно распространенных форм ср. датив Инфинитива *bak-s-a*, бенефактив инфинитива *bak-s-ejna(k)*, эргатив Масдара *bak-sun-en*, датив масдара *bak-sun-a* (от глагола *bak-es* ‘быть, стать’).

Презенс, по нашему мнению, исходно представляет собой дательный падеж от Инфинитива в сочетании со связкой настоящего времени (не представленной в современном языке). Основой для Презенса послужила локативная конструкция типа ‘быть/находиться в действии’, которая типологически достаточно распространена как источник имперфективных форм. Аналогичной конструкцией локативного происхождения является и периферийная дуративная форма на *-(e)saχ*, окончание которой исходно представляет собой «второй дательный» падеж от Инфинитива. (Подробнее о происхождении Презенса и Дуратива см. статью [Майсак, наст. сб.])

Гласный /e/ в показателях *-es*, *-esun*, *-esa* и *-esaχ* регулярно выпадает в косвенных падежах Инфинитива, во всех формах Масдара и в Презенсе, сохраняясь лишь в формах глаголов, основа инфинитива которых состоит из единственного согласного (ср. дательный па-

деж Инфинитива *p-es-a* ‘чтобы сказать’, Масдар *p-esun* ‘говорение’ и пр.). Этот гласный сохраняется также в формах сложных глаголов с декаузативным компонентом *-ec-* || *-e-*, ср. *uk-sa* ‘он ест’, но *uk-e-sa* ‘он(о) съедается’.

Что касается «старого» отглагольного имени (масдара) на *-un*, то в современном языке оно не является продуктивным. Образовано оно при помощи показателя, который в ряде лезгинских языков фигурирует в существительных, производных от глагольных основ, ср. табасаранское *ig-un* ‘жатва’ (от ‘жать’), агульское *aχ-un* ‘постель’ (от ‘спать’) и пр. Как правило, такие производные в современных языках нерегулярны, хотя соответствующий суффикс можно отнести к пралезгинскому уровню (см. примеры в [Алексеев 1985: 110; Сулейманов 2000: 128 и сл., 269—270]). В удинском языке форма на *-un* была полностью вытеснена новым удинским Масдаром на *-(e)sun*, производным от Инфинитива. В настоящее время реликтами этой древней формы являются несколько отглагольных имен, в основном обозначающих объект, который является результатом процесса, описываемого исходной глагольной основой. Примеры данной формы имеются как от простых, так и от сложных глаголов, ср.:

- *bit-un* ‘сев; засеянное поле’ (< *bit-es* ‘сажать, сеять’), *bok-un* ‘огонек’ (< *bok-es* ‘гореть’), *eIb-un* ‘пошивка, шитье’ (< *eIb-es* ‘шить’), *ned-un* ‘закваска’ (< *ned-es* ‘заквашивать’), *o:k-un* ‘помой’ (< *o:k-es* ‘мыть, стирать’);
- *bav-un* ‘испражнение’ (< *bav-es* ‘испражняться’), *čišp-un* ‘моча’ (< *čiš-p-es* ‘мочиться’), *čar-un* ‘сыпь’ (< *čar-es* ‘высыпать’), *č:luṛ-un* ‘плевок’ (< *č:luṛ-es* ‘плевать’), *fup-un* ‘выдох’ (< *fup-es* ‘дышать, дуть’);
- *uk-un* ‘съестные продукты, продовольствие’ (< *uk-es* ‘есть, питаться’).

На происхождение «старого масдара» именно от основы инфинитива указывает, в частности, производная *uk-un* от глагола *uk-es* ‘есть, питаться’ (имеющего основу СВ *käj-*). В этом случае можно отметить не только параллелизм в образовании «старого» и «нового» масдаров от одной и той же основы, но и использование тождественного по форме показателя *-un* (во втором случае присоединяемого к Инфинитиву). Впрочем, нельзя исключать и возможность обра-

зования «старого масдара» от основы СВ, что было бы оправдано ввиду характерной для него семантики результата процесса.

3.3. Формы от основы императива

От основы императива образуется лишь собственно Императив (2-го лица ед. и мн. числа), имеющий показатель *-a* у всех простых глаголов, кроме шести глаголов движения с историческими префиксами. У этих глаголов движения, равно как и у сложных глаголов с компонентом *es-*, показателем Императива является *-i*.

Как нетрудно заметить, у подавляющего большинства глаголов Императив совпадает с Конъюнктивом (также имеющим показатель *-a*). Мы, однако, считаем эти две формы разными формами глагольной парадигмы. Во-первых, эти две формы все же различаются у шести глаголов движения и глагола 'говорить' (у которых Конъюнктив имеет другую основу), а также у десятков производных сложных глаголов с компонентами *es-* и *p-*. Во-вторых, Императив ед. числа никогда не используется с лично-числовой клитикой, в отличие от Конъюктива 2-го лица ед. числа (ср. *bak-a* 'будь, стань!' ~ *bak-a-n* 'чтобы (ты/он) был').

Как уже говорилось выше, основа инфинитива глаголов движения, скорее всего, исторически совпадала с основой императива либо основой НСВ (т. е. у них корневое *-j-* происходит из *-k-* либо из *-v-*). Хотя этот вопрос не может быть окончательно разрешен в настоящее время, мы склоняемся к тому, что единой была основа инфинитива/императива: именно они близки, в частности, у глагола речи (ср. *p-es* 'говорить' и *ip-a* 'скажи!' при супплетивном будущем времени *uk-al-e* 'он скажет').

3.4. Формы от основы несовершенного вида

От основы несовершенного вида образуется наибольшее число форм парадигмы; это финитные формы:

- Будущее основное, показатель *-al* (в отличие от имени деятеля на *-al*, оно всегда сопровождается лично-числовой клитикой);
- Будущее долженствования, показатель *-ala* (аналогично, в отличие от причастия НСВ, всегда сопровождается лично-числовой клитикой);

- Будущее потенциальное, показатель -о либо -оп;
  - Конъюнктив, показатель -а;
  - Кондиционал, показатель -ајі;
  - Гортатив, показатель -еп;
- а также нефинитные формы:
- отглагольное имя деятеля, показатель -аl;
  - причастие НСВ, показатель -ала || -al-;
  - деепричастие образа действия, показатель -а;
  - деепричастие одновременности/предшествования ('когда'), показатель -атан;
  - деепричастие предшествования ('до того как'), показатель -амин || -амун.

Как нетрудно заметить, почти все формы от данной основы содержат в грамматическом показателе гласный -а, который, скорее всего, исторически представляет собой суффикс несовершенного вида (противопоставляемый показателю совершенного вида -і в форме причастия/деепричастия СВ и Аориста).

Далее мы рассмотрим подробнее происхождение форм по группам.

3.4.1. Происхождение отглагольного имени и причастия НСВ.

Отглагольное имя деятеля на -al, являющееся, по нашему мнению, исходным для ряда других форм от основы НСВ, имеет значение 'тот, кто осуществляет / имеет обыкновение осуществлять действие, описываемое глаголом'. О том, что «*nomina agentis*» на -al свободно образуются от глаголов и даже целых сочетаний, писал в своей удинской грамматике еще А. Дирр — так, критикуя А. Шифнера за то, что тот приводит в словаре лексемы типа *izak: ukal* 'муравьед' (букв. «едающий муравьев») ¹³, он отмечает, что «эти причастия настоящ. вр. действительно очень часто употребляются, только их не стоит переводить, как это делал Шифнер, и нет никакой надобности помещать их в словаре: достаточно указать на их образование

---

¹³ Пример из варташенского диалекта; о нем А. Дирр пишет: «Откуда Шифнер взял это слово? Удинам, которых я расспрашивал, это слово неизвестно, что впрочем вполне понятно, если подумать, что муравьед — животное, живущее в южной Америке» [Дирр 1904: vi-vii].

и употребление в относящейся сюда части грамматики» [Дирр 1904: vii]. Тем не менее, в словаре В. Л. Гукасяна 1974 года несколько десятков производных на *-al* приводятся в качестве самостоятельных словарных входов; среди них встречаются, например:

- названия профессий, занятий: *aš-b-al* ‘рабочий, работник’, *ašl-k-al* ‘кожевник, дубильщик’, *bašq-al* ‘вор’, *bele-beš-al* ‘пастух’ (< *bele beš-es* ‘пасты скот’), *bolq-beš-al* ‘свинопас’ (< *bolq beš-es* ‘пасты свиней’), *eχ-b-al* ‘жнец’, *oçap-k-al* ‘косарь’, *χel-b-al* ‘грузчик’, *cam-k-al* ‘писатель’ и пр.;

- названия людей по характерному поведению: *amdar-uk-al* ‘людоед, кровопийца’ (< *amdar uk-es* ‘есть людей’), *aχšlum-d-al* ‘шут, скоморох’ (< *aχšlum-d-es* ‘смешить’), *äš-gärgür-b-al* ‘баламут, сплетник’ (< *äš gärgür-b-es* ‘дело спутывать’), *olnel-k-al* ‘плаксивый, плакса’, *čalχ-al* ‘знакомый; знающий местность, проводник’, *tiri-k-al* ‘болтун’ и пр.;

- названия животных по характерному поведению: *pi-cum-k-al* ‘пиявка’ (< *pi cum-p-es* ‘кровь сосать’), *cicik-cum-k-al* ‘медведка’ (< *cicik cum-p-es* ‘цветок сосать’), *χod-tap-k-al* ‘дятел’ (< *χod tap-(p)-es* ‘дерево бить’), *cil-d-al* ‘сверчок’ (< *cil-d-es* ‘блестеть, сверкать’) и пр.;

- названия предметов по характерному свойству: *žüržür-k-al* ‘водопад’ (от звукоподражания *žüržür* + *p-es* ‘говорить’), *fi-gom-b-al* ‘черный виноград’ (< *fi-gom-b-es* ‘вино красить’), *buj-k-al* ‘кувшин для сбивания масла’ (< *buj-p-es* ‘сбивать масло’), *çan-čeft-al* ‘персик с легко отделяющейся косточкой’ (< *çan čeft-es* ‘косточку извлекать’), *karam-k-al* ‘персик с неотделяющейся косточкой’ (< *karam-p-es* ‘грызть’) и пр.

Склоняется имя деятеля как обычное существительное с исходом на согласный, ср. абсолютив *camk:al* ‘писатель’, эргатив *camk:al-en*, датив *camk:al-a*, множественное число абсолютива *camk:al-χo* и т. п. (от глагола *cam-p-es* ‘писать’).

Диакронически показатель *-al* является, надо полагать, общелезгинским аффиксом отглагольных имен, который отмечается в ряде лезгинских языков, хотя и нигде не является регулярным (ср. агульское *uval* ‘дождь’ при *uχ-* ‘идти (о дожде, снеге)’ или *it’ul* ‘узел’ при *it’-* ‘связывать’); см. примеры из некоторых языков в [Алексеев 1985:

108—109; Сулейманов 2000: 126 и сл., 270—271] — причем удинские данные в этих работах почти не привлекаются. Особенностью удинского языка является то, что этот аффикс получил чрезвычайно широкое распространение и послужил основой не только для продуктивного имени деятеля, но и для причастия НСВ, а также для формы Будущего основного (см. ниже).

В атрибутивной функции причастие НСВ (в литературе известно также под названием «причастие настоящего-будущего времени») имеет показатель *-ala*. При субстантивации причастие НСВ склоняется по атрибутивному склонению, т. е. так же, как прилагательные, и имеет суффикс *-al-* (см. таблицу 4). Это причастие выражает одновременность описываемой ситуации той ситуации, которую обозначает финитный глагол, его имперфективное видовое значение максимально широко — причастие НСВ описывает как актуально-длительные, так и хабитуальные и стативные ситуации:

- (3) buχari-n beİſI **bok:-ala** püsüs-ä oq:a-ne-b-i.
 [камин-GEN впереди **гореть-PART**] лампа-DAT опускать=3SG=LV-AOR
(Хозяйка) погасила лампу, горящую перед камином. [Кеçаагi 2001: 133]
- (4) äfči **uk:-al-t-aj** pul=q:a-n č:er-i.
 [ложь **говорить-PART**]-NO-GEN глаз=JUSS=3SG выходить-AOR
У того, кто говорит ложь, пусть глаза выпадут! [Кеçаагi 2001: 107]
- (5) t:e aIχil ölk-in-ä **bak-ala** sa naχiſči-n
 [DIST далекий страна-O-DAT **быть-PART**] один пастух-GEN
 var-en vi raččavIuv-a eIχ-t-al-e.
 сын-ERG твой царство-DAT брат-LV-FUT=3SG
Пастуший сын, который живет в одной далекой стране, захватит твое царство. [Кеçаагi 2001: 115]

Причастие НСВ не всегда имеет сугубо таксисную интерпретацию — так, оно может описывать ситуацию, следующую за моментом речи, но необязательно за точкой отсчета, устанавливаемой в финитном сказуемом. Ср. следующий пример, в котором причастие *ev-ala* ‘который придет’ описывает ситуацию, ожидаемую в будущем,

но при этом предшествующую той точке отсчета, которая задается финитным сказуемым (в форме Будущего долженствования):

- (6) äjč:ä mija **ek-ala** amdar-χo-n hik:al
 [завтра PLOC **приходить-PART**] человек-PL-ERG ничто
 ak:-ala te-t:un.
 видеть-DEB NEG=3PL

Люди, которые придут сюда завтра, ничего не увидят.

Можно полагать, что в данном случае реализуется стандартное для имперфективных форм значение «запланированного будущего» (аналогичное значение имеет, например, форма Презенса, см. [Майсак, наст. сб.]).

Заметим, что в словаре В. Л. Гукасяна наряду с именами деятеля на *-al* в качестве самостоятельных словарных входов приводятся и несколько десятков субстантивированных причастий на *-al-o* (в форме абсолютива ед. ч.); как правило, это опять-таки названия профессий и занятий, обозначение лиц и предметов по характерному свойству и т. п. В связи с тем, что подобные производные не всегда имеют русские эквиваленты-существительные, они нередко переводятся прилагательными, ср.:

- *ava-bak-al-o* ‘знающий, знаток’, *alk-t-al-o* ‘скакун, всадник, который гонит коня’, *al-d-al-o* ‘ткач’, *äči-k-al-o* ‘танцор’, *bad-al-o* ‘выпекающий (хлеб, пирог, лаваш); загонщик скота; отводящий воду в нужную сторону, распределитель воды’, *ez-b-al-o* ‘пахарь’ и др.;

- *bat-k-al-o* ‘утопающий, гибнущий’, *ek-al-o* ‘приходящий, приезжающий’, *karχ-al-o* ‘живущий’, *pur-k-al-o* ‘летающий’, *tışli-k-al-o* ‘шипучее’ и т. п.

В целом, отглагольное имя на *-al* и субстантивированное причастие НСВ при именовании деятеля синонимичны. Достаточно тонкое различие между ними состоит в том, что имя деятеля на *-al* является способом обозначить участника по его постоянному свойству, тогда как использование причастия позволяет ввести в рассмотрение участника, характеризуемого по вовлеченности в соответствующую ситуацию в конкретный момент. Ср., например, противопоставление двух форм во фразах *gena maIv-k-al-e* ‘Гена — певец’ и *maIv-k-al-o gena-ne* ‘тот, кто сейчас поет, это Гена’ (от глагола *maIv-p-es* ‘петь’).

Аналогично, если лексикализованные имена типа *cildal* ‘сверчок’ (< *cil-d-es* ‘блестеть, сверкать’) или *bujkal* ‘кувшин для сбивания масла’ (< *buj-p-es* ‘сбивать масло’) закреплены за названиями определенных сущностей, то причастия *cildal-o* ‘то, что светится’ или *bujkal-o* ‘тот, кто сбивает масло’ могут применяться к самому широкому кругу референтов.

Таблица 4. Склонение причастий СВ и НСВ (фрагмент парадигмы)

Падеж	Причастие СВ, ед. ч.	Причастие СВ, мн. ч.
Абсолютив	bak-i-jo	bak-i-jo-rox
Эргатив	bak-i-ti-in	bak-i-ti-ov-on
Генитив	bak-i-ti-aj	bak-i-ti-ov-oj
Датив	bak-i-ti-u	bak-i-ti-ov-o
Аблатив	bak-i-ti-uxun	bak-i-ti-ov-oxun
Падеж	Причастие НСВ, ед. ч.	Причастие НСВ, мн. ч.
Абсолютив	bak-al-o(o)	bak-al-o(o)-rox
Эргатив	bak-al-ti-in	bak-al-ti-ov-on
Генитив	bak-al-ti-aj	bak-al-ti-ov-oj
Датив	bak-al-ti-u	bak-al-ti-ov-o
Аблатив	bak-al-ti-uxun	bak-al-ti-ov-oxun

В связи с тем, что показатели имени деятеля *-al* и субстантивированного причастия НСВ *-al-* совпадают, а по значению соответствующие формы также близки, можно предполагать их тождественность с диахронической точки зрения. Заметим также, что в варташенском диалекте форма на *-al* может использоваться и в атрибутивной позиции — ср. *vaIn furuk:al ganu* ‘на том месте, где вы (всегда) гуляете’ и др. примеры в [Дирр 1904: 72]. Поэтому не исключено, что на каком-то этапе развития языка отглагольная форма на *-al* выступала во всех типах контекстов — как в качестве имени деятеля, так и в качестве причастия несовершенного вида. Впоследствии, однако, появилась еще одна причастная форма на *-ala*, которая в современном ниджском диалекте дополнительно распределена с показателем *-al* и является единственной возможной в атрибутивной позиции.

Открытым остается вопрос о том, каково происхождение показателя *-ala*. Если принять, что он является производным от суффикса

имени деятеля *-al*, то конечное *-a* теоретически может быть падежным показателем датива (в этом случае, правда, не очень ясна ни семантическая, ни синтаксическая эволюция субстантивной формы в атрибутивную). С другой стороны, *-ala* может восходить к сочетанию именного суффикса *-al* с атрибутивным показателем *-la*, регулярно образующим в современном языке отыменные прилагательные со значением 'обладающий X-ом': ср. *biv* 'усы' ~ *biv-la* 'усатый', *jeq* 'мясо' ~ *jeq-la* 'мясистый', *muš* 'ветер', 'ревматизм' ~ *muš-la* 'ветренный', 'страдающий ревматизмом' и т. п. Впрочем, оба эти предположения в высшей степени спекулятивны, и точное выяснение этимологии показателя *-ala* остается делом будущего.

3.4.2. Происхождение будущих времен. Нетрудно заметить, что Будущее основное совпадает с отглагольным именем деятеля за исключением того, что оно, как финитная форма, всегда сопровождается лично-числовыми клитиками (ср. *ev-al-e* 'придет', *uk-al-e* 'скажет'). Как нам кажется, это совпадение неслучайно и может непосредственно указывать на происхождение формы Будущего. Имперфективное значение очевидным образом является исходным для производных от основы НСВ (это видно по семантике как имени деятеля, так и причастия), а тогда логично предположить, что и Будущее основное изначально имело имперфективное значение и перешло в футуральную область лишь в ходе постепенной семантической эволюции. Диахронически Будущее основное скорее всего является презенсом либо «настояще-будущим» временем, постепенно утратившим презентное значение и полностью вытесненным в футуральную область.

Еще одна футуральная форма удинского языка, Будущее потенциальное, представляет собой сочетание основы НСВ с показателем *-o* (ср. *ev-o* 'придет', *uk-o* 'скажет'). В современном удинском языке имеется лишь один формально совпадающий с ним аффикс — это показатель абсолютива у субстантивированных атрибутивов *-o* (в том числе у причастий; см. таблицу 4). Можно предполагать, что Будущее потенциальное также возникло на основе субстантивированного причастия НСВ — в частности, исходной формой причастия могла быть форма типа **ev-a-o* 'идуший' с показателем основы несовершенного вида *-a*; впоследствии стяжение *ev-a-o* > *ev-o* затемнило

морфологическую структуру. В современном языке Будущее потенциальное имеет два типа периферийных презентных употреблений — оно используется как генерическое настоящее время, а также в качестве «настоящего исторического» в нарративе, — поэтому вполне оправданным выглядит предположение о том, что форма *ев-о* изначально была основной презентной формой, впоследствии вытесненной как из презентной, так и из футуральной области более новыми формами Будущего основного и Презенса (соответственно, формами типа *ев-ал* и *ej-са*).

Определенную проблему для данной гипотезы представляет существование варианта Будущего потенциального на *-оп*, полностью эквивалентного форме на *-о* (ср. *ba-ne-k-o* || *ba-ne-k-op* ‘будет, станет’, ‘наверное’). Это вариант достаточно редок и, по всей видимости, представлен только в ниджском диалекте. Его происхождение остается неясным, и не исключено, что появление конечного *-п* обусловлено фонетическими причинами, т. е. *-п* исходно не является отдельной морфемой или частью морфемы. В письменных текстах на удинском языке данный вариант не используется.

Что же касается Будущего долженствования, имеющего показатель *-ала*, то его диахроническую эволюцию логично связать с причастием НСВ в атрибутивной форме. Исходным для финитной формы почти наверняка было именно значение долженствования (‘Х есть тот, который должен сделать Р’), что опять-таки заставляет задуматься о происхождении причастия на *-ала*, которое в современном языке никаких модальных оттенков типа необходимости или предназначенности не выражает. Впрочем, нельзя исключать, что значение долженствования развилось на основе имперфективного значения — в частности, значения запланированного будущего, характерного для имперфективных форм (ср. высказывания типа русск. *Завтра я еду в город*, в которых презентная форма используется для описания ситуации, осуществление которой намечается после момента речи).

О происхождении всех трех форм будущего времени см. подробнее статью [Майсак, наст. сб.].

3.4.3. Происхождение деепричастий от основы НСВ. Из трех деепричастий, образуемых от основы НСВ, наименее употребитель-

ным является деепричастие образа действия, от которого, вероятно, диахронически производны два других. В словаре В. Л. Гукасяна несколько деепричастий на *-a* даются в качестве словарных входов, причем иногда в редуцированном виде, ср.:

Исходный глагол	Деепричастие образа действия
<i>χor-p-es</i> ‘волочить’	<i>χor-k-a</i> ‘волоча’
<i>tara-p-es</i> ‘гулять’	<i>tara-k-a, tara-k-a – tara-k-a</i> ‘прохаживаясь, гуляя’
<i>oIneI-p-es</i> ‘плакать’	<i>oIneI-k-a – oIneI-k-a</i> ‘плача, проливая слезы’
<i>tutu-p-es</i> ‘дрожать’	<i>tutu-k-a – tutu-k-a</i> ‘дрожа, судорожно’
<i>tit-es</i> ‘бегать’	<i>tit-a – ha – tit-a</i> ‘беготня, повальное бегство’

За исключением единственного производного от глагола *tit-es* ‘бегать’, все примеры на деепричастие образа действия, в том числе и встретившиеся нам в литературе, приходятся на глагол *p-es* ‘говорить’ (ср. *uk-a* ‘говоря’) либо на сложные глаголы с компонентом *p-* ‘говорить’ (имеющие основу НСВ на *-k-*). Во всех этих случаях деепричастие характеризует действие субъекта, сопутствующее его говорению либо перемещению, ср. *išq:aren aχšIum-k-a pi-ne* ‘муж, смеясь, сказал’, *uluχχo karam-k-a žovab-e tadi* ‘скрипя зубами (букв. грызя зубы), он ответил’, *turtivo suna tap-k-a pi-ne* ‘он сказал, ударяя ногу об ногу’, *išq:aren-al aj žan uk-a äčIi-ne-pi* ‘а мужик, с криком «Ай джан», плясал’, *oIne-k-a hari p:a-ne-pi k:oja* ‘он плача пришел домой’ и пр. (все примеры по [Кецааги 2001]).

Исторически деепричастие образа действия, судя по всему, было нейтральным деепричастием НСВ, от которого была образована наиболее старая презентная форма на *-a* (ныне Конъюнктив). Не исключено, что с деепричастием НСВ совпадало и причастие НСВ, ср. форму на *-i* в системе совершенного вида, где причастие и деепричастие не различаются.

В состав деепричастия одновременности/предшествования, по всей видимости, входит заимствованная морфема *-dan* (> *-tan*), азербайджанский падежный показатель аблатива¹⁴. Это наиболее частотная в текстах обстоятельственная форма, не считая деепричастия СВ; она описывает ситуацию, задающую временные рамки для ос-

¹⁴ Ср. ту же морфему в наречиях *boš-tan* ‘изнутри’, *qoš-tan* ‘следом за’ и пр.

новной ситуации, выраженной финитным глаголом ('в то время, когда произошло/происходило P'), ср.:

- (7) **žläl-k-at:an** äräq:i bur-e-q-sa c:oroj-e-s-a.
 кипеть-LV-TEMP водка начинать=3SG=ST-PRS течь-LV-INF-DAT
 süft:rä xe c:oroj-ew-at:an jan t:e q:ädär šo
 сначала вода течь-LV-TEMP мы DIST количество DIST+NA
 beI-te:jan-в-sa...

смотреть=NEG=1PL=ST-PRS

Когда закупает (вода в самогонном аппарате), начинает течь водка. Сначала, когда течет вода, мы не так уж за ней следим...

Деепричастие предшествования задает верхний временной предел, до которого может осуществляться основная ситуация ('до того как P'), ср. примеры из словаря В. Л. Гукасяна: *boš-amin* 'досыта' (< *boš-es* 'насыщаться'), *bi-amin* 'до смерти, при жизни' (< *bi-es* 'умирать'), *pulqič:k-amin* 'в мгновение ока, очень быстро' (< *pul qič:pr-es* 'глаз мигать'). Показатель деепричастия предшествования *-amin* || *-amin* в речи может редуцироваться до *-am*. Исходно же *-amin* || *-amin* представляет собой генитив либо эргатив от слова *ama* || *hama* со значением меры, степени — в современном языке оно используется в роли послелога, управляющего генитивом, ср. *bez hama* 'столько же, сколько я', *äjl-in hama* 'подобно ребенку' и пр.

В удинском имеется еще одна обстоятельственная временная форма предшествования, которая представляет собой сочетание причастия НСВ на *-ala* и служебного слова *kinä* 'словно'. Это «аналитическое деепричастие» описывает ситуацию, непосредственно предшествующую основной ситуации ('как только P')¹⁵, ср.:

¹⁵ Отметим сходное по значению деепричастие со служебным словом *suman* или *fuj* 'словно' в агульских диалектах, где, однако, смысловой глагол стоит в форме причастия СВ: ср. *agu-suman* 'едва, лишь увидел' [Сулейманов 1993: 157]. При этом как в агульском, так и в удинском само по себе сочетание показателя 'словно' с причастием может иметь и буквальное значение 'аналогично тому, как', ср.: *bitiim gala bak-ala kinä, beš udišosta-al...* 'как и везде, у наших удин' (букв. «как у во всех местах находящихся, у наших удин тоже...»).

- (8) *bezi säš-ä i-bak-ala kinä arχ-a*
 мой голос-DAT слышать-LV-PART словно канава-DAT
č:ovak-a-nan.
 переходить-IMP=2PL

Как только мой голос услышите, переходите через канаву.
 [Keçaari 2001: 127]

3.4.4. Происхождение Конъюнктива, Гортатива и Кондиционала. Формально в основе Конъюнктива на *-a* лежит деепричастие образа действия — при этом как финитная форма Конъюнктив всегда используется с лично-числовыми клитиками. Не исключено, что исторически Конъюнктив, так же как и некоторые уже рассмотренные выше формы от основы НСВ, был презентной формой индикатива, вытесненной со временем в зависимую предикацию. В любом случае, при столь явном формальном сходстве наиболее вероятным кажется происхождение Конъюнктива именно от деепричастия НСВ (подробнее данная гипотеза рассмотрена в [Майсак, наст. сб.]).

Что касается Гортатива, то вполне возможно его происхождение из формы Конъюнктива 1-го лица мн. ч. в результате фонетической редукции, ср. *uk-en* ‘давайте поедим’ < [?]**uk-ajn* < **uk-a-jan* ‘чтобы мы поели’, см. [Панчвидзе 1974: 171], а также [Schulze 1982: 163; Schulze-Fürhoff 1994: 478]. Конъюнктив 1-го лица ед. ч. в независимом предложении используется именно с побудительным значением (‘давай я сделаю’, ‘сделаю-ка я’), поэтому не исключено, что форма 1-го лица мн. ч. типа *uk-a-jan* в гортативной функции могла фонетически стянуться до *uken*, утратив связь с исходной морфемной структурой. Заметим, что тем самым получило бы объяснение и отсутствие у Гортатива лично-числовой клитики (фактически она исходно уже входит в состав данной формы, только в морфологизованном виде).

Происхождение Кондиционала менее очевидно. Учитывая, что его показатель *-aji-* формально разложим на *-a-* и *-ji-*, в нем можно было бы видеть сочетание конъюнктивного аффикса и клитики прошедшего времени. Заметим, однако, что сам по себе Конъюнктив сочетается с клитикой прошедшего времени в придаточных, зависимых от форм прошедшего времени (в этом случае наблюдается «согласование времен») — но при этом, как это в целом свойственно

формам с клитикой $\neq j$, лично-числовой показатель располагается между глагольной формой и $\neq j$, ср.:

- (9) *ajizlu-n-en te-ne ava-j hikä b-a-ne-j.*
сельский-O-ERG NEG=3SG знающий=PST что:NA делать-SUBJ=3SG=PST
Крестьянин не знал, что (надо было) делать. [Кеçаагi 2001: 113]

С другой стороны, не исключена и возможность того, что показатель $-aji-$ связан с морфемой $-aj$, используемой в некоторых лезгинских языках в конъюнктивных и императивных формах; ср. [Алексеев 1985: 99], где приводятся лезгинские, агульские, табасаранские, рутульские и крызские соответствия. Нам, однако, кажется более правдоподобным возникновение $-aji-$ из формы деепричастия НСВ с условной частицей $gi-$ (т. е. *bak-aji-n* ‘если будет’ < **bak-a gi-ne*), об этой частице мы уже упоминали в разделе 3.1 выше. В этом смысле две условные формы, «реальная» и «ирреальная» (т. е. Кондиционал и Контрфактив) имеют общее происхождение — от условной клитики в сочетании с разными формами смыслового глагола. Форма реального условия происходит от сочетания с деепричастием НСВ (либо с Конъюнктивом, построенным на его основе), форма контрфактического условия — с деепричастием СВ (либо Аористом, построенным на его основе).

4. «Вторичные» глагольные формы с клитиками

Помимо основных форм парадигмы, описанных в предыдущем разделе, в удинском языке существует ряд производных от них форм, образуемых при помощи клитик. Удинским клитикам посвящена монография [Harris 2002], которую мы уже неоднократно упоминали (за основу в ней взят варташенско-октомберийский диалект). Поэтому ниже ограничимся лишь их краткой характеристикой и рассмотрим клитику прошедшего времени («ретроспективного сдвига») $\neq j$, юссивную клитику $q:a-$, а также клитику $-al$ (дистрибуция которой не ограничена глагольными формами), которые участвуют в образовании «вторичных» глагольных форм парадигмы.

Еще одной клитикой, обычно рассматриваемой в литературе, является $gi-$, выражающая в варташенском диалекте условное наклоне-

ние; см. [Schulze-Fürhoff 1994: 478—479]. Однако в ниджском диалекте такая клитика отсутствует и, по всей видимости, в морфологизованном виде она сохраняется лишь в формах Контрфактива (*-iji-* < *-i + gi-*) и, возможно, Кондиционала (*-aji-* < *-a + gi-*), о чем мы уже упоминали выше.

4.1. Клитика прошедшего времени *-j*

Клирика *-j* || *-ij* (первый алломорф используется после гласной, второй после согласной) образует формы «плана прошлого» от большинства финитных глагольных форм, т. е. от форм, используемых с лично-числовыми показателями; см. таблицу 5. Она всегда примыкает к словоформе энклитически, следуя за видо-временной флексией (ср. *ba-ne-k-sa-j* ‘был, бывал’) либо за лично-числовой клитикой (ср. *bak-al-e-j* ‘был бы, стал бы’); в отрицательном комплексе она также занимает последнюю позицию (ср. *te-ne-j* ‘он не был’).

Таблица 5. Образование финитных форм с клитикой *-j*

Исходная форма	Форма плана прошлого
Презенс <i>ba-ne-k-sa</i>	Имперфект <i>ba-ne-k-sa-j</i>
Аорист <i>bak-i-ne</i>	(Плюсквамперфект 2) <i>bak-i-ne-j</i>
Перфект <i>bak-e-ne</i>	Плюсквамперфект <i>bak-e-ne-j</i>
Результ. перфект <i>bak-ijo-ne</i>	—
Будущее основное <i>bak-al-e</i>	Будущее основное в прошедшем <i>bak-al-e-j</i>
Будущее долженств. <i>bak-ala-ne</i>	Будущее долженств. в прошедшем <i>bak-ala-ne-j</i>
Будущее потенц. <i>ba-ne-k-o(n)</i>	Будущее потенц. в прошедшем <i>ba-ne-k-o-j</i>
Конъюнктив <i>bak-a-n(e)</i>	Конъюнктив прошедшего времени <i>bak-a-ne-j</i>
Кондиционал <i>bak-aji-n</i>	—
—	Контрфактив <i>bak-iji-n-ij</i>

Из трех форм с клитикой *-j*, образованных от форм прошедшего времени, употребительным является лишь Плюсквамперфект на основе Перфекта (ср. *bak-e-ne* ‘был, стал’ ~ *bak-e-ne-j* ‘когда-то был, стал’). Форма типа *bak-i-ne-j* на основе Аориста в современном ниджском диалекте используется крайне редко; судя по всему, она вышла

из употребления и в варташенско-октомберийском диалекте, ср. [Harris 2002: 27]. Форма типа *bak-ijo-ne-j* на основе Результативного перфекта, напротив, не является грамматикализованной и расценивается как сочетание субстантивированного причастия и связки прошедшего времени (ср. *sat-p-ijo-ne-j* ‘это был тот, кто написал / то, что было написано’).

«Несимметричной» в таблице 5 является и форма Контрфактива — она всегда используется с клитикой *-j*, формально соответствующей формы «плана настоящего» нет. Функционально же Контрфактиву в «плане настоящего» соответствует Кондиционал (образуемый от другой основы), у которого, напротив, нет формального эквивалента с частицей *-j*.

Поскольку клитика *-j* присоединяется к уже полноценным финитным глагольным формам, а ее семантической функцией является сдвиг временной референции в план прошлого (а для форм прошедшего времени — в зону «сверхпрошлого»), она является типичным показателем «ретроспективного сдвига», в терминах В. А. Плунгяна¹⁶. Аналогом удинского *-j* является, например, суффикс *-j* (при отрицании *-ir*) в лезгинском языке, который также образует формы «плана прошлого», присоединяясь к финитным формам «плана настоящего», ср. презенс *рахазва* ‘говорит’ ~ имперфект *рахазва-й* ‘говорил’ и т. п. [Haspelmath 1993: 127—128; Алексеев, Шейхов 1997: 49—51].

Диахронически удинская морфема *-j*, как и лезгинская *-j*, восходит к связке прошедшего времени [Алексеев 1985: 97—98]. В ряде лезгинских языков настоящее и прошедшее время связки функционируют на равных, образуя эквиолентную оппозицию — ср., например, агульское *tenemed müfelim e* ‘Магомед учитель (есть)’ vs. *tenemed müfelim ij* ‘Магомед был учителем’ (хпюкский диалект). В удинском оппозиция между настоящим и прошедшим временем связки стала привативной, поскольку связка настоящего времени была утрачена. В предложениях с именованным сказуемым настоящее время никак не маркировано и выражается по умолчанию; добавле-

---

¹⁶ См. работу [Плунгян 2001], где показатели такого рода рассматриваются на широком типологическом материале (данные удинского языка, однако, не учитываются).

ние *-j* смещает референцию в план прошлого так же, как и в финитных глагольных формах, ср.:

- (10) *šair te-zu. alim-zu.*
 поэт NEG=1SG учитель=1SG
Я не поэт. Я учитель. [Кечаари 1996: 5]
- (11) *bezi-jal tüfäng bu-ne-j, žäjil-zu-j...*
 мой=ADD ружье COP=3SG=PST молодой=1SG=PST
У меня тоже было ружье, я был молодой...

4.2. Клитика юссива *q:a-*

При помощи клитики *q:a-*, используемой с Аористом или Перфектом, образуются две (синонимичные) формы Юссива. Лично-числовой показатель всегда следует за юссивной клитикой; весь этот комплекс чаще всего примыкает к глагольной словоформе Перфекта энклитически (ср. (12)), а к форме Аориста — проклитически или эндоклитически (см. примеры ниже):

- (12) *bez čuv-o uk:-o-z boχ-e-q:a-n.*
 мой жена-DAT говорить-FUT=1SG варить-PERF=JUSS=3SG
{Мне очень понравилось это блюдо,} скажу жене, пусть приготовит (его).

Отрицание Юссива образуется при помощи клитики *ta-*, в этом случае образуется клитический комплекс из трех элементов «*ta-* + *q:a-* + лично-числовой показатель». Этот комплекс, в свою очередь, чаще всего располагается в препозиции к глагольной форме (ср. (13)), хотя для сочетания с формой Аориста вполне допустимо и эндоклитическое его расположение (ср. (14)):

- (13) *...ki t:ejn hava bona ma-q:a-n bac-i,*
 COMP DLOC:ABL воздух внутрь PRON=JUSS=3SG входит-AOR
iz ad-al čöle ma-q:a-n č:er-i.
 свой запах=ADD наружу PRON=JUSS=3SG выходит-AOR
{Все щели в трубке самогонного аппарата хорошо замазывают,} чтобы через него внутрь не проходил воздух и чтобы ее запах наружу не выходил.

- (14) ur-a,   za   gal-ma-q:a-n-d-i.
 говорить-IMP   я:DAT   трогать=PRON=JUSS=3SG=LV-AOR
Скажи, пусть он меня не трогает!

4.3. Клитика *-al* ‘тоже, даже’

Частицы со значением ‘тоже, даже’, имеющие чрезвычайно широкую сферу использования, характерны для всех нахско-дагестанских языков. В частности, при помощи частиц данного типа от форм условного наклонения стандартно образуются уступительные формы; удинский язык в этом не является исключением. При выражении уступки клитика *-al* прежде всего используется с Кондиционалом, к которому показатели личного согласования всегда примыкают энклитически. Сама же морфема *-al* располагается в тех позициях, которые свойственны лично-числовым показателям в других глагольных формах: она может занимать инфиксальную позицию, как в (15), располагаться между «неспрягаемой» частью и служебным глаголом, как в (16), либо следовать за препозитивной отрицательной морфемой, ср. (17):

- (15) äjl-uv-on-al   χuri   däs   **ha-al-q:-aji-t:un,**   ama
 ребенок-PL-ERG=ADD   мелкий урок   **братъ=ADD=ST-COND=3PL** но
 udi-n   muz-in   cam-p-es...   äjít-p-sun-al
 удин-GEN   язык-INS   писать-LV-INF   разговаривать-LV-MSD=ADD
 čätin-e   ič-ov-ojnak:
 трудный=3SG   сам-PL-BEN
*Маленькие дети тоже, **хоть и изучают**, но на удинском языке им и писать, и говорить трудно.*
- (16) šeir   **cam-al-k:-aji-z,**   šuk:al-a   neχ   te-zu.
 стихи   **писать=ADD=LV-COND=1SG** никто-DAT   говорить:PRS   NEG=1SG
Хоть я и пишу стихи, никому (об этом) не говорю.
- (17) hun   bezi   q:ohum   **nu-al   bak-aji-n,**   zu   va
 ты   мой   родственник   NOT=ADD   **быть-COND=2/3SG**   я   ты:DAT
 kömäj-b-o-z.
 помогать-LV-FUT=1SG
Хоть ты и не мой родственник, я тебе помогу.

Возможно и инфиксальное расположение комплекса *ni-al*, ср. вариант *ba-ni-al-k-aji-n* ‘хоть и не является’, также расцениваемый как приемлемый в (17).

Помимо Кондиционала частица *-al* может располагаться и на других глагольных формах, выражая значение ‘тоже’, ‘даже’ или ‘хотя’: ср. *cam-al-p-i-ne* ‘и даже написал; хоть и написал’ (с Аористом), *cam-al-k-al-e* ‘еще и напишет; даже напишет’ (с Будущим основным) и т. п. Заметим, однако, что примеры инфиксального расположения частицы *-al* в нашем корпусе текстов являются крайне редкими.

5. Образование отрицательных форм

В удинском языке имеется три отрицательных клитики, распределение которых зависит от синтаксического типа клаузы и, шире, от типа высказывания, отрицательный эквивалент которого должен быть образован. Формально отрицание — так же, как и лично-числовое согласование, — чаще всего выражается на глагольной словоформе. Вместе с тем, выбор отрицательной морфемы не зависит напрямую от конкретной морфологической формы глагола, поскольку существуют формы, используемые с разными показателями отрицания в зависимости от синтаксического статуса клаузы или типа высказывания. В целом, по распределению отрицательных клитик противопоставлены утвердительные высказывания, повелительные высказывания и подчиненные клаузы, не образующие самостоятельных высказываний; подробнее см. [Майсак, в печати].

5.1. Отрицание *te-*

Все утвердительные высказывания, возглавляемые финитными формами индикатива, образуют отрицательные эквиваленты при помощи показателя *te-*¹⁷, к которому справа всегда примыкают лично-числовые клитики (ср. *te-z* ‘NEG=1SG’, *te-n* ‘NEG=2SG’, *te-ne*

---

¹⁷ Данный показатель восходит к пралезгинской отрицательной морфеме *-t-*, которая в современных языках занимает в основном префиксальную позицию [Алексеев 1985: 100—101].

‘NEG=3SG’ и т. п.). Комплекс «отрицание + лично-числовая клитика» может примыкать непосредственно к глагольной словоформе энклитически или (чаще) проклитически, ср.:

(18) udi-n t:et:ir **bu-te-ne**, älifba.
 удин-GEN азбука COP=NEG=3SG алфавит
Удинской азбуки нету, алфавита.

(19) uk-es **te-z-bak-sa**.
 есть-INF NEG=1SG=быть-PRS
Не могу кушать. [Гукасян 1974: 212]

Кроме того, существует возможность инфиксального расположения комплекса между компонентами сложного глагола либо внутри корня; второй тип расположения встречается нечасто, но зафиксирован в текстах¹⁸ и признан приемлемым носителями языка, ср. *beI-te-jan=в-sa* ‘мы не смотрим’ в примере (7) выше, а также (21):

(20) jan hik:k:al **žöj-te-jan=b-e**, jan sun-aχun
 мы ничто разделять=NEG=1PL=LV-PERF мы друг.друга-ABL
 jöni=jan.
 хороший=1PL
Мы ничего не делили, нам друг с другом хорошо.

(21) ke dārg-in-en va **bi-te-ne-q:-sa**.
 MED платье-O-ERG ты:DAT держать=NEG=3SG=ST-PRS
Это платье тебе не идет (букв. тебя не держит). [Гукасян 1974: 82]

5.2. Отрицание *ta-*

При помощи префикса *ta-* образуются отрицательные эквиваленты повелительных высказываний с формами Императива, Гортатива и Юссива, а также с независимым Конъюнктивом (в 1-м лице ед. ч.)¹⁹.

¹⁸ Ср. также частотную форму от глагола *bak-es* в значении ‘мочь’ БАТЕНЕКО ‘нельзя, недопустимо’ (*ba-te-ne-k-o* ‘быть=NEG=3SG=ST-POT’), которая приводится у В. Гукасяна в качестве отдельного словарного входа.

¹⁹ Диахронически **ta* представляет собой отрицательную морфему, распространенную не только в лезгинских (где с ее помощью обычно как

В отрицательном Императиве *ma-* в подавляющем большинстве случаев располагается в непосредственной препозиции к глагольной форме, ср. *tak-i* ‘уходи’ ~ *ma-tak-i* ‘не уходи’. Однако имеется и возможность инфиксального расположения *ma-*: в этом случае морфема занимает позицию перед последней согласной простых глаголов либо перед служебной частью сложных глаголов — т. е. позицию, свойственную эндоклитикам. Ср. отрицательные формы Императива простых глаголов *ta-ma-k-i* ‘не уходи’, *u-ma-p-a* ‘не говори’, *u-ma-k-a* ‘не ешь’, отрицательные формы Императива сложных глаголов *veI-ma-bak-a* ‘не верь’, *q:iI-ma-b-a* ‘не бойся’, *dava-ma-b-a-nan* ‘не ссорьтесь’ и пр., ср. (29).

Расположение отрицания у Гортатива и независимого Конъюнктива аналогично: ср. Прохибитив *ma-uk-en* ~ *u-ma-k-en* ‘давайте не будем есть’, *ma-uv-en* ~ *uv-ma-v-en* ‘давайте не будем пить’, Конъюнктив 1-го лица ед. ч. *ma-uk-a-z* ~ *u-ma-k-a-z* ‘давайте я не скажу’, *ma-kal-k-a-z* ~ *kal-ma-k-a-z* ‘давайте я не позову’ и т. п.

Что касается отрицательного Юссива, то в этом случае *ma-* входит в качестве первого элемента в клитический комплекс «*ma-* + *q:a-* (аффикс Юссива) + лично-числовой показатель», о котором уже говорилось выше.

5.3. Отрицание *ni-*

Показатель *ni-* в наибольшей степени морфологически слит с глагольной формой: как правило, он занимает префиксальную позицию, и отделять его от глагольной формы может только частица *-al* ‘тоже, даже’, как в (17) выше. Внутри простой глагольной основы морфема *ni-* не внедряется, а ее расположение между компонентами сложного глагола встречается крайне редко.

При помощи *ni-* отрицательные эквиваленты образуют все нефинитные формы. Главным образом это формы, используемые в зависимых клаузах, в которых не выражается личное согласование:

раз и образуется прохибитив), но и в других нахско-дагестанских языках [Алексеев 1985: 100]; она может быть восстановлена и для северокавказского уровня, поскольку образует отрицание в языках абхазо-адыгской семьи [Nikolayev, Starostin 1994: 797].

инфинитив, масдар, причастия СВ и НСВ, различные типы деепричастий, ср.:

- (22) zu χib vi hik:al nu-uk-es ba-z-k-o.
я три день ничто NOT=есть-INF быть=1SG=ST-POT
Я могу три дня ничего не есть.
- (23) k:al nu-ava-bak-ala amdar k:ači k:inä-ne.
грамота NOT=знать-LV-PART человек слепой словно=3SG
Неграмотный (= грамоту не знающий) человек подобен слепому. [Aydınov, Keçaari 1996: 51]
- (24) äjl-ov-o nu-ak-i, mälim t:oIvoII-χun
ребенок-PL-DAT NOT=видеть-AOC учитель возле-ABL
č:ova-ne-k-i.
проходить=3SG=ST-AOR
Не заметив детей, учитель прошел мимо.

Под отрицанием может находиться и отглагольное имя деятеля: ср. пример, в котором употреблено существительное *äšp:al* ‘тот, кто работает; работник’ (< äš ‘дело’ + b-es ‘делать’):

- (25) java tänbäl-e be-j, nu-äšp:al-e
очень лентяй=3SG быть+PERF=PST NOT=работник=3SG
be-j...
быть+PERF=PST
Он был большой лентяй, был неработающим...

Вторую группу форм, использующих отрицание *nu-*, образуют Кондиционал, Контрфактив и зависимый Конъюнктив. Все эти формы согласуются по лицу с субъектом, однако используются только в подчиненных клаузах: Кондиционал и Контрфактив — в протасисе условного периода, а Конъюнктив — в придаточных дополнительных, выражающих нереализованную ситуацию:

- (26) zu nu-ek-aji-z, za-suz tak-i-nan.
я NOT=приходить-COND=1SG я-без уходить-IMP=2PL
Если я не приду, идите без меня.
- (27) bava-n čur-e-sa ki zu äskärluv-a
отец-ERG хотеть=3SG=LV+PRS COMP я армия-DAT

nu-tav-a-z.

NOT=уходить-SUBJ=1SG

Отец хочет, чтобы я не ходил (служить) в армию.

Наконец, отрицание *nu-* используется с формой Будущего долженствования на *-ala*, причем именно при выражении долженствования, а не в значении будущего времени (подробнее см. [Майсак, наст. сб.]). Не исключено, что выбор именно этого показателя отрицания указывает на то, что в данном случае пропозиция, вводимая формой на *-ala*, находится внутри лексически невыраженного оператора долженствования, — соответственно, отрицание также занимает в семантической структуре позицию внутри данного оператора, а не находится над ним: ср. *nu-eIχ-t-ala-ne* ‘он не должен брать’ = ‘ДОЛЖЕН [НЕ [брать]]’. Тем самым, использование морфемы *nu-* может быть связано не столько с синтаксической подчиненностью клауз, сколько с семантической зависимостью соответствующих пропозиций. С другой стороны, поскольку диахронически Будущее долженствования связано с атрибутивной формой причастия НСВ, выбор «нефинитного» отрицания при Будущем долженствования может отражать сохранение исходного маркирования отрицания на причастии. Впрочем, два этих предположения не противоречат друг другу.

Показатель *nu-*, по всей видимости, этимологически родствен каритивному суффиксу *-nut* ‘без’ (наряду с ним в ниджском диалекте получил распространение заимствованный из азербайджанского каритивный суффикс *-siz* ‘без’). Этот суффикс присоединяется к существительным, образуя прилагательные со значением ‘такой, у которого отсутствует X’: ср. *amdar-nut gala* ‘безлюдное место’ (< *amdar* ‘человек’), *bul-nut amdar* ‘безголовый человек’ (< *bul* ‘голова’), *aχir-nut jaq* ‘бесконечная дорога’ (< *aχir* ‘конец’) и пр. В варташенском диалекте *nut* используется и в качестве префикса глагольного отрицания: в частности, именно при помощи *nut* образуются нефинитные отрицательные формы, ср. *nut čapbak-al arvon* ‘неугасимым огнем’ (причастие НСВ), *lasikonun partal nut lap-i* ‘не надев свадебные одежды’ (деепричастие СВ), *bütiin nut tambak-ama* ‘пока всё не исполнится’ (деепричастие предшествования) и пр. примеры из [Бежанов 1902].

Э. Харрис предполагает, что удинское отрицание *nu-* могло быть заимствовано из грузинского языка; при этом *nut*, по ее мнению, членится

на *ni-* и *-t-*, где согласный /t/ может быть регулярным рефлексом пралезгинской отрицательной морфемы [Harris 2002: 268]. Заметим, однако, что хотя в грузинском языке также имеется несколько показателей отрицания, их распределение весьма отлично от распределения удинских отрицательных клитик. В грузинском основным отрицанием является *ar*, при помощи препозитивного *ver* (с различными личными формами) выражается значение невозможности, а при помощи *ni* (с настоящим или будущим временем глагола) образуется прохибитив; у причастий используется особый отрицательный префикс *u-* либо циркумфикс *u...-el* [Vogt 1971: 197—198, 218—220; Aronson 1990: 145, 308—309]. Тем самым, кроме чисто внешнего совпадения удинского «нефинитного» *ni-* и грузинского «прохибитивного» *ni*, нет никаких оснований считать удинскую морфему заимствованной: ее функциональная нагрузка совершенно отлична от предполагаемого грузинского прототипа.

В ниджском диалекте существует единственный случай, когда глагольная форма сочетается с морфемой *-nut*, при этом последняя располагается в постпозиции: так образуется особое отрицательное деепричастие совершенного вида, ср. *p-i-nut* ‘не сказав’, *sam-p-i-nut* ‘не написав’, *ak-i-nut* ‘не увидев’ и пр.:

- (28) hik:al **p-i-nut:**, var äjel t:it:er-i
ничто **говорить-АОС-без** парень ребенок бежать-АОС
č:er-e отав-in bošt:an.
выходить+PERF=3SG комната-GEN изнутри

Ничего не ответил, мальчик выбежал из комнаты.

- (29) täzä maIv **sam-p-i-nut:**, e=ma-k-i!
новый песня **писать-LV-АОС-без** приходиться=PRON=ST-IMP
Без новой песни (не написав новую песню) не приходи!

Такое «каритивное» деепричастие СВ лишь отчасти эквивалентно регулярному отрицательному деепричастию с препозитивной частицей *ni-*. Так, в примере (24) вместо *ni-ak-i* ‘не увидев’ можно было бы употребить форму *ak-i-nut* с тем же значением. Тем не менее, подобная замена признается возможной далеко не всегда — в приведенных выше примерах (28) и (29) использование форм *ni-p-i* и *ni-sam-p-i* допустимым не было признано.

6. Актантная деривация

6.1. Декаузатив

Как указывалось выше в разделе 1.2, в удинском языке имеется служебный элемент *ec-*, образующий непереходные сложные глаголы (по типу словоизменения он наиболее близок глаголам движения). При сочетании с именной частью *ec-*, как правило, противопоставлен другим служебным глаголам, которые с той же именной частью образуют близкие по значению переходные лексемы: ср. *gír-b-es* ‘собирать вместе’ ~ *gír-ec-es* ‘собираться вместе’, *cam-p-es* ‘писать’ ~ *cam-ec-es* ‘быть написанным’, *gam-d-es* ‘нагревать’ ~ *gam-ec-es* ‘нагреваться’ и т. п. В данном случае лексемы в каждой паре имеют совпадающую «неспрягаемую часть», но при этом ни одна из лексем не производна от другой.

При сочетании с простой глагольной основой мы уже имеем дело не с эквиолентным, а с привативным противопоставлением: *ec-* образует сложный непереходный глагол от простого переходного; ср. формы Перфекта 3-го лица: *ak:e-ne* ‘увидел’ ~ *ak:ec-e-ne* ‘стал видным, заметным’, *biq:e-ne* ‘схватил, поймал’ ~ *biq:ec-e-ne* ‘был пойман, схвачен’, *burq:e-ne* ‘начал’ ~ *burq:ec-e-ne* ‘начался’ и пр. В этом случае компонент *ec-* (и его алломорфы) по сути дела выступает как показатель понижающей актантной деривации, устраняющей из ситуации агенс. Образование декаузативных производных от простых переходных глаголов полностью продуктивно, ср. следующие пары:

- (30) *ve beš joldaš-χo-n samži demiš:t:un ak:sa*
 сегодня наш друг-PL-ERG первый раз=3PL видеть-PRS

beš ajiz-a.

наш село-DAT

Сегодня наши друзья впервые видят наше село.

- (31) *mej:n šahat:e ak:e-sa beš ajiz.*
 PLOC:ABL хороший=3SG быть.видным-LV-PRS наш село

Отсюда хорошо видно наше селение.

- (32) *näjni pišik:-en beš muč:İanaq:-a uİk-i-ne.*
 вчера кошка-ERG наш молоко-DAT пить-AOR=3SG

Вчера кошка **выпила** наше молоко.

- (33) bütüm äräq:i sa saad-en **uİv-es-i-ne**.
все водка один час-ERG **быть.выпитым-LV-AOR=3SG**
Вся водка **была выпита** за час.

В некоторых случаях декаузативный глагол имеет переносное значение: так, например, производный от глагола *haq:-es* ‘брать, покупать’ означает не только ‘быть взятым, купленным’, но и ‘быть удивленным, пораженным’: ср. *kalna-n xavar-e haq:-i* ‘бабушка спросила’ (букв. «известие взяла») с субъектом в эргативе ~ *kalna haq:-es-i man-e-d-i* ‘бабушка удивилась’ (букв. «удивившись осталась») с абсолютным субъектом²⁰.

От основ простых непереходных глаголов типа *bak-es* ‘быть, стать’, *bok:-es* ‘гореть’, *arc-es* ‘садиться’, *bask-es* ‘ложиться, засыпать’, *tand-es* ‘оставаться’ и т. п. декаузативные производные не образуются.

Напомним, что морфологическое противопоставление простых переходных глаголов и производных от них непереходных сложных глаголов с компонентом *es-* наиболее четко проявляется в форме Презенса: личная клитика у простых глаголов занимает инфиксальное положение перед последней согласной основы, а у глаголов с компонентом *es-* она, по общему правилу, располагается перед служебным элементом, который в основе инфинитива представлен нулевой морфемой (см. примеры в разделе 2 выше).

Возможность образования производного с компонентом *es-* однозначно указывает на то, что исходной является простая глагольная основа, — в противном случае *es-* сочетался бы не со всей основой, а лишь с ее частью за вычетом служебного элемента (см. *cam-p-e-ne* ‘написал’ ~ *cam-es-e-ne* ‘был написан’, но не *cam-p-es-e-ne ‘был написан’). Это связано с тем, что в составе сложной глагольной лексемы может быть не более одного служебного элемента, о чем мы уже упоминали в разделе 1.2 выше. Поэтому в трудных случаях возможность образования производного

---

²⁰ Ср. также идиоматизацию непереходного сложного глагола *zap:-es-es* ‘остерегаться, опасаться’, включающего ту же неспрягаемую часть *zap:-*, что и частотный переходный глагол *za(p:-)p-es* ‘тянуть’.

с *ec-* может служить критерием определения того, содержит ли глагол служебный элемент или является простым. Так, например, наличие соответствий *burq-e-ne* ‘начал’ ~ *burq-ec-e-ne* ‘начался’ или *čalχ-e-ne* ‘познакомился’ ~ *čalχ-ec-e-ne* ‘был знакомым, был известным’ показывает, что *-q-* в составе основы *burq-* ‘начинать’ и, соответственно, *-χ-* в составе основы *čalχ-* ‘знакомиться’ не являются служебными элементами, а представляют собой части корня (по крайней мере, на синхронном уровне). Аналогично, соответствие *tad-e-ne* ‘дал’ ~ *tad-ec-e-ne* ‘было дано’, в котором *-d-* в декаузативе сохраняется, указывает на то, что это *-d-* не является в глаголе *tad-es* ‘давать’ служебным глаголом, — в отличие, например, от глагола *toj-d-es* ‘продавать’, переходный коррелят которого образуется от основы, не включающей *-d-*, ср. *toj-d-e-ne* ‘продал’ ~ *toj-ec-e-ne* ‘было продано’ (оба сложных глагола производны от имени *toj* ‘цена’).

6.2. Каузативы

Казуативные производные образуются продуктивным образом от Инфинитива смыслового глагола при помощи служебного глагола *d-* (после согласного /s/ в Инфинитиве происходит чередование /d/ > /t/, см. также 7.7). Такие производные ведут себя как сложные глаголы со служебным компонентом *d-* и инфинитивом в роли «неспрягаемой части»; ср. примеры образования каузативов от простых глаголов:

Исходный инфинитив	Инфинитив каузатива	Аорист каузатива (3 л. ед. ч.)
<i>ak-es</i> ‘видеть’	<i>ak-es-t-es</i> ‘показывать’	<i>ak-es-e-d-i</i> ‘показал’
<i>b-es</i> ‘делать’	<i>bes-t-es</i> ‘заставить делать’	<i>bes-e-d-i</i> ‘заставил делать’
<i>boχ-es</i> ‘варить’	<i>boχ-es-t-es</i> ‘заставить варить’	<i>boχ-es-e-d-i</i> ‘заставил варить’
<i>ef-es</i> ‘хранить, содержать’	<i>efes-t-es</i> ‘заставить хранить’	<i>efes-e-d-i</i> ‘заставил хранить’

Точно так же каузативы образуются и от сложных глаголов, в том числе и от переходных сложных глаголов, уже содержащих служебный компонент *d-*, ср.:

Структура глагола	Сложный глагол	Каузатив сложного глагола
<i>äš</i> ‘работа’ + <i>-b-es</i>	<i>äš-bes</i> ‘работать’	<i>äš-bes-t-es</i> ‘заставить работать’
<i>eχ</i> ‘косьба’ + <i>-b-es</i>	<i>eχ-bes</i> ‘жать, косить’	<i>eχ-bes-t-es</i> ‘заставить жать, косить’
<i>cam</i> ‘писание’ + <i>-p-es</i>	<i>cam-pes</i> ‘писать’	<i>cam-pes-t-es</i> ‘заставить писать’
<i>balp</i> ‘лай’ + <i>-p-es</i>	<i>bal(p)-pes</i> ‘лаять’	<i>bal(p)-pes-t-es</i> ‘заставить лаять’
<i>all</i> ‘вязание’ + <i>-d-es</i>	<i>all-des</i> ‘ткать, вязать, плести’	<i>all-des-t-es</i> ‘заставить ткать, вязать, плести’

При каузативации в ситуацию вводится новый участник-агенса, кодируемый эргативной именной группой (при этом каузируемый участник оформляется дативом), ср. следующую минимальную пару:

(34) *χüjär-en sijov=e boχ-i.*

девушка-ERG каша=3SG варить-AOR

Девочка сварила кашу.

(35) *paṇa-n χüjär-ä sijov=e boχ-es-t-i.*

мать-ERG девушка-DAT каша=3SG варить-INF-CAUS-AOR

Мама заставила девочку варить кашу.

Каузативный глагол *d-* синтаксически неавтономен, он не используется в качестве самостоятельной лексемы (типа ‘заставлять’). Этимологически он скорее всего тождествен служебному элементу *d-*, выступающему в сложных переходных глаголах типа *gal-d-es* ‘трогать, шевелить’, *all-d-es* ‘ткать, вязать, плести’ (см. раздел 1.2), а также корню *-d-* переходных префиксальных глаголов типа *tad-es* ‘давать’, *bad-es* ‘совать внутрь’ и т. п. (см. Приложение).

Помимо использования специального каузативного глагола *d-*, имеется и еще один тип каузативной деривации — с инфинитивом смыслового глагола и регулярным глаголом *b-es* ‘делать’; такие производные также можно рассматривать как сложные глаголы с инфинитивом в роли «именной части». В отличие от производных с элементом *d-*, второй тип каузативных глаголов непродуктивен и отме-

чается только от нескольких непереходных лексем, ср. *ačIes-b-es* ‘терять’ (< *ačI-es* ‘теряться’), *ap:es-b-es* ‘варить’ (*ap:es* ‘вариться, поспевать’), *bes-b-es* ‘убивать’ (< *bi-es* ‘умирать’), *bok:os-b-es* ‘поджигать’ (*bok:es* ‘гореть’), *p:ap:es-b-es* ‘доводить до цели’ (< *p:ap:es* ‘доходить, достигать’). Регулярные каузативы, образуемые при помощи показателя *d-*, от этих лексем не засвидетельствованы. В остальном производные с глаголом *b-es* ‘делать’ ведут себя аналогично каузативам первого типа, ср. пример минимальной пары:

- (36) *beš čur ačI-e-ne.*
наш корова **теряться-PERF=3SG**
Наша корова потерялась.
- (37) *kar-en paraq:-a ačI-es-b-e-ne.*
парень-ERG шапка-DAT **теряться-INF-CAUS-PERF=3SG**
Мальчик потерял шапку.

7. Важнейшие звуковые процессы в глагольных формах

После публикации за последние пятнадцать лет нескольких сборников стихов и прозы на удинском языке (составленных Г. А. Кечари) в распоряжении лингвистов оказался богатейший материал для изучения грамматики современного ниджского диалекта. Тем не менее, очевидной особенностью данных текстов является их нормированность, приближенность к «правильному», полному типу произнесения (что вполне закономерно, учитывая, что фактически публикация этих сборников явилась попыткой создания литературного удинского языка). Вместе с тем, при наблюдении за живой речью ниджцев и при расшифровке устных нарративов можно заметить ряд особенностей произношения глагольных форм (хотя и не только их), которые не отражены в письменных источниках. Ниже характеризуются основные из таких особенностей, связанные с морфологизацией частотных форм глаголов; кроме того, описываются важнейшие чередования на стыках морфем, в которых участвуют служебные глаголы.

7.1. Редукция в формах глагола *bakes* ‘быть, стать’

В формах прошедшего времени одного из наиболее частотных глаголов — *bak-es* ‘быть, стать’ — в разговорной речи нередко происходит редукция, в результате которой форма на *-i* в функции причастия СВ, деепричастия СВ либо Аориста принимает вид *baj-i* или *baj* (из полного *bak-i*), Результативный перфект *baj-o* (из *bak-ijo*), Перфект *bej-e* или *be-e* (из *bak-e*), а Плюсквамперфект *be-j* (из *bak-e-j*). У финитных форм это происходит в том случае, если личное числительное не располагается внутри соответствующей формы (ср. *ba-ne-k-e* ‘он был, стал’), а занимает позицию на фокусной составляющей левее глагольной словоформы либо примыкает к глаголу справа, ср. некоторые типичные примеры из устных нарративов:

- Деепричастие СВ:

(38) *hajzer-i   qaj-baj   ta=ne-sa   iz*
 вставать-АОС   возвращаться-LV+АОС   уходить=3SG=ST+PRS   свой
k:oj-a.
 дом-DAT
Он встает и идет обратно (= встав, вернувшись идет) домой.

- Причастие СВ:

(39) *durut:-aun   hāzir-baj   sa   he-ne...*
 бревно-ABL   готовиться-LV+АОР   один   что=3SG
Это такая штука, которую делали из бревна...

- Причастие СВ (при субстантивации, в аблативе):

(40) *χüjār   irāzi-baj-t:-oχun   oša...*
 девушка   соглашаться-LV+АОР-NO-ABL   потом
После того, как девушка дала согласие (выйти замуж)...

- Аорист (с постпозитивным комплексом клитик):

(41) *beš   sam-uruχ   baj-i   te-ne...*
 наш   письмо-PL   быть-АОР   NEG=3SG
У нас не было письменности...

- Аорист сложного глагола (с эндоклитикой):

(42) *конечно,   gele   muIq-ez-baj.*
 конечно   много   радоваться=1SG=LV+АОР

Конечно, я очень обрадовался.

- Юссив (на основе Аориста):

(43) ...ki awi **ma-q:a-n** **baj**.

COMP горький PRON=JUSS=3SG быть+AOR

(Водку мы хорошо процеживаем,) чтобы она не была горькой.

- Результативный перфект:

(44) beš ajiz-e gele äš-ürχ-oχun-jan **mäšq:ul-bajo**.

наш село-DAT много работа-PL-ABL=1PL заниматься-LV+PERF2

(Раньше) У нас в селе занимались многими видами работ.

- Плюсквамперфект:

(45) me χalg här-sa ga-l-a **be-j-ne**.

PROX народ каждый-один место-O-DAT быть+PERF=PST=3SG

Этот народ жил повсюду.

- Юссив (на основе Перфекта):

(46) ...za-jnak:-al t:ul **bej-e-q:a-n**.

я-BEN=ADD виноград быть-PERF=JUSS=3SG

(И меня с собой возьмите,) чтобы и для меня был виноград.

Морфологизация указанных форм глагола *bak-es* является, по всей видимости, результатом перехода конечного корневого /k/ в /j/ с последующим стяжением (ср. *bak-i* > *baj-i* > *baj*, *bak-ijo* > *baj-ijo* > *bajo* и т. п.). В целом, переход веллярных в йот после гласной является для ниджского диалекта вполне характерным, ср. соответствия между варташенскими и ниджскими словами, демонстрирующие такой переход: варт. *gogin* ~ нидж. *göjin* ‘синий, зеленый’, *čäläg* ~ *čäläj* ‘лес’, *dälläg* ~ *dälläj* ‘парикмахер’ и др. [Панчвидзе 1974: 42, 253; Талибов 1980: 185—186].

7.2. Редукция в формах Императива глаголов движения

Еще один случай редукции глагольных форм вследствие перехода корневого /k/ в /j/ представлен в Императиве глаголов движения. Выше говорилось о том, что шесть простых (исторически префиксальных) глаголов движения имеют особую основу императива на *-k*, показателем Императива у них служит *-i*. Соответственно, в достаточно частотной редуцированной форме Императива таких глаго-

лов конечное /ki/ переходит в /j /, ср. *taj* ‘уходи’ (< *tak-i*), *ej* ‘иди сюда’ (< *ek-i*), *baj* ‘входи’ (< *bak-i*), *laj* ‘поднимайся’ (< *lak-i*) и т. п.²¹ Такая редукция имеет место и в форме Императива сложных непереходных глаголов со служебным элементом *es-*, ср.:

- (47) *aj udi-joχ, gir-ej-nan vaIn!*
 voc удин-PL собираться-LV+IMP=2PL вы
Эй, удины, соберитесь вместе! [Из песни]

На возможность инфиксации показателя прохибитива редукция формы не влияет, сокращенная форма может также содержать инфикальный отрицательный показатель; ср. *ta-ma-j-nan* ‘не уходите’ (< *ma-* + *tak-i-nan*).

7.3. Стяжение глагола *bu* ‘иметься, находиться’ с клиткой 3-го лица ед. ч.

Частотный бытийный глагол *bu* ‘иметься, находиться’ (имеющий только немаркированную форму настоящего времени и прошедшее с клиткой *-j*) образует стяженную форму в 3-м лице ед. ч., при этом только в определенном синтаксическом контексте. В случае, если лично-числовая клитика 3-го лица *-e* или *-ne* примыкает к составляющей, непосредственно предшествующей глаголу *bu*, он может сливаться с клиткой: в результате после согласной ...*-e bu* > ...*-o*, после гласной ...*-ne bu* > ...*-no*. Ср. некоторые типичные примеры:

- (48) *beš ajiz-e gele ožax-χo=no.*
 наш село-DAT много оджах-PL=3SG+COP
В нашем селе есть много священных мест («оджахов»).
- (49) *vi χüjär-o, bezi-al var-o...*
 твой девушка=3SG+COP мой=ADD парень=3SG+COP
У тебя есть дочь, а у меня есть сын. {Давай мы их поженим.}
- (50) *beš koj-a hik:k:al te=no.*
 мой дом-DAT никто NEG=3SG+COP

²¹ Данный тип редукции может являться аргументом в пользу того, что исходно основа императива и основа инфинитива не различались, — скорее всего, в основе инфинитива переход корневого /k/ в /j/ произошел еще раньше.

У меня дома никого нет.

(51) *sa adres=0-j...*

один адрес=3SG+COP=PST

(Я в городе никого не знал, у меня) был только один адрес.

Стяжение факультативно, однако достаточно распространено в речи. При этом стяженные варианты функционально абсолютно эквивалентны полным (ср. (50) и *beš kjoja hik:k:al te-ne bu* ‘у меня дома никого нет’ и т. п.).

7.4. Стяжение показателя Будущего основного в 1-м лице ед. ч.

В подавляющем большинстве случаев присоединение лично-числовых клитик к глагольной словоформе справа, т. е. непосредственно после видо-временного показателя, не вызывает каких-либо изменений. Однако есть одно важное исключение: в форме Будущего основного на *-al-* в 1-м лице ед. ч. происходит стяжение показателя времени и лично-числового показателя, при котором последовательность *-al-zu* переходит в *-o-z* || *-oo-z* (нередко носители отмечают долгое *-oo*). В других лицах данного явления не наблюдается.

В письменных ниджских текстах, опубликованных в последние годы и ориентированных на нормализацию языка, окончание Будущего основного в 1-м лице ед. ч. записывается как *-al-zu*. Тем не менее, носители при произнесении не признают формы типа *bak-al-zu* ‘я буду’ правильными, заменяя их на формы типа *bak-o(o)-z*. При этом полное произнесение *-al-zu* нередко расценивается как сочетание отглагольного имени на *-al* и личного местоимения, ср. *cam-ki-al-zu* ‘я писатель’ / *‘я напишу’.

По-видимому, данное стяжение имело место в результате редукции личного показателя *-zu* > *-z* (в целом характерного для удинских энклитик) и вокализации *-l* перед согласным — соответственно, имел место переход типа *bak-al-zu* > *bak-al-z* > *bak-aw-z* > *bak-oo-z* > *bak-o-z*. При этом неразличение форм Будущего основного и Будущего потенциального на *-o* не имеет места: к Будущему потенциальному лично-числовые клитики никогда не примыкают справа, а рас-

полагаются либо эндоклитически (ср. *ba=z-k-o*), либо на другой составляющей²².

Заметим, что при присоединении клитики прошедшего времени стяжения не происходит: ср. *bak-al-zu-j* ‘я был бы’, *uk-al-zu-j* ‘я съел бы’, *ev-al-zu-j* ‘я пришел бы’ и т. п.

7.5. Ассимиляция и редукция глаголов *b-* ‘делать’ и *d-*

Поскольку в составе морфемы *-es* гласный /e/ в косвенных падежах Инфинитива, а также в показателях Масдара и Презенса выпадает, в соответствующих формах глагола *b-* ‘делать’ возникает сочетание /bs/, в котором, как правило, /b/ оглушается и переходит в непридыхательный: /bs/ > /p:s/. Данный процесс регулярно происходит с *b-* ‘делать’ в роли служебного элемента в сложных лексемах, ср. *eχlät-e-pi-sa* ‘разговаривает’ (< *eχlät-e-b-esa*), *äš-e-pi-sa* ‘работает’ (< *äš-e-b-esa*) и пр. Впрочем, со знаменательным глаголом ‘делать’ нередко происходит то же самое, поскольку в формах от основы инфинитива практически всегда выступает сочетание /bs/ («полная» форма Презенса *b-esa* практически не встречается в речи).

В сложных глаголах, основа которых оканчивается на сибиллянт, *b-* не только оглушается, но и нередко выпадает (в частности, это происходит после заимствованных тюркских основ на *-miš*). Ср. примеры из корпуса устных текстов *jäšäjnš-sa* ‘(он) живет’, *jäšäjnš-a-nan* ‘живите’ (< *jäšäjnš-b-es* ‘жить’), *q:oriš-a* ‘сохрани’ (< *q:oriš-b-es* ‘сохранять’), *ez-sun-un därden* ‘чтобы пахать’ (< *ez-b-es* ‘пахать’), *q:il-s-sa* ‘я боюсь’ (< *q:il-z-b-sa*, от *q:li-b-es* ‘бояться’) и т. п.

Распространено и выпадение оглушенного *-pi-* после сонорных /m/ и /n/, в последнем случае это сопровождается губной ассимиляцией сонорного. Ср. формы типа *pa(j)-jam-sa* ‘делим’, *χe-jam-sa* ‘растапливаем’ и пр., в которых служебный элемент выпадает, ассими-

²² В. Панчвидзе приводит в качестве эквивалентных вариантов ниджские формы типа *kar-e-χ-o* ~ *karχ-o-ne* (от глагола *karχ-es* ‘жить’) и т. п. [Панчвидзе 1974: 166]. Тем не менее в современном языке формы Будущего потенциального с конечным расположением личной клитики (типа *karχ-o-ne*) не признаются возможными.

лируя предшествующий ему согласный (так, $\chi e=jam=sa < \chi e=jam=p:sa < \chi e=jan=b=sa$).

Редукция комплексов согласных наблюдается и в сложных глаголах со служебным элементом *-d-* (при оглушении переходящим в *-t-*), «неспрягаемая» часть которых оканчивается на *-t-*. В таких сочетаниях одна из согласных утрачивается и «проясняется» только в случае, если между «неспрягаемой» частью и служебным элементом располагается гласный: ср. глагол *urt-es* ($< urt-t-es$) ‘прясть’ при Перфекте 3-го лица ед. ч. *urt-e-d-i* ‘прял, выпрял’, аналогично ведет себя *laft-es* ($< laft-t-es$) ‘прикасаться’, ср. Перфект *laft-e-d-i* ‘коснулся’.

7.6. Редукция и диссимилиация глагола *p-* ‘говорить’

Как мы уже отмечали, при употреблении глагола ‘говорить’ в роли служебного элемента используется сокращенная форма Презенса *-ne*, а не полная *neχ*. Однако, как показывает запись устных текстов, краткая форма может быть использована и при употреблении самостоятельной лексемы ‘говорить’, ср.:

(52) ko beš muz-in afar-t:un ne.
MED+NA наш язык-INS афар=3PL говорить:PRS

Это на нашем языке называют афар.

(53) iz si-j-a te-z-ne, ič-in
свой имя-О-DAT NEG=1SG=говорить:PRS сам-ERG

i-ne-bak-sa.

слышать=3SG=LV-PRS

Его {героя рассказа} имя я не называю, он слышит.

В сложных глаголах со служебным *p-*, у которых «неспрягаемая» часть имеет конечный *-p* или *-p:*, одна из согласных при их сочетании утрачивается. Ср. глагол *bal(p)-p-es* ‘лаять’, с конечным корневым *-p* «именной части», в форме деепричастия *baр-i* ‘полаяв’ ($< baIp-p-i$), при Аористе 3-го лица *baIp-e-p-i* ‘залаял’. В случае, если сочетаются конечный корневой *-p:* и служебный элемент *p-*, выпадает корневой элемент. Это хорошо видно по формам глагола *za(p)-p-es* ‘тянуть’, у которого стяженная основа *zap-* выступает, например, в Масдаре *zap-sun*, Императиве *zap-a*, Аористе *zap-i*, однако «неспрягаемая часть» *zap:* полностью проявляется в формах будущего времени

типа *zap:k-al* либо при инфиксальном расположении клитик, ср. *zap:e-p-i* 'он потянул', *zap:tun-p-i* 'они потянули' и пр. Аналогично ведет себя глагол *žu(p)-p-es* 'прыгать', ср. Масдар *žup-sun* или Аорист *žup-i* с утратой корневого *-p-*, при производном от редуцированной основы НСВ имени деятеля *žup:žup-k-al* 'кузнечик' с сохранением *-p-*.

Стоит также отметить переход /p/ > /p:/ в кластерах согласных, отмечаемый у сложных глаголов с компонентом *p-* 'говорить'. Данное чередование происходит в случае, если «неспрягаемая часть» имеет исход на глухой фрикативный или аффрикату. Если же конечный согласный «неспрягаемой части» и служебный элемент *p-* разделены другим слогом (например, личной клитикой либо морфемой прохибитива), чередование не происходит. Кроме того, оно не отмечается и тогда, когда консонантный кластер располагается перед глухим согласным /s/ (например, в Масдаре); ср. некоторые примеры:

Масдар	Деепричастие ~ Аорист	Императив ~ Прохибитив
<i>elas-p-sun</i> 'клясться'	<i>elas-p-i</i> 'покаявшись' ~ <i>elas-e-p-i</i> 'покаялся'	<i>elas-p-a</i> 'покайся' ~ <i>elas-ma-p-a</i> 'не кляйся'
<i>kac:p-sun</i> 'разрезать'	<i>kac:p-i</i> 'разрезав' ~ <i>kac:e-p-i</i> 'разрезал'	<i>kac:p-a</i> 'разрежь' ~ <i>kac-ma-p-a</i> 'не разрезай'
<i>quš:p-sun</i> 'глотать'	<i>quš:p-i</i> 'проглотив' ~ <i>quš:e-p-i</i> 'проглотил'	<i>quš:p-a</i> 'проглоти' ~ <i>quš-ma-p-a</i> 'не глотай'
<i>maḽ-p-sun</i> 'петь'	<i>maḽ-p-i</i> 'спев' ~ <i>maḽ:e-p-i</i> 'спел'	<i>maḽ-p-a</i> 'спой' ~ <i>maḽ-ma-p-a</i> 'не пой'

7.7. Ослабление смычных в частотных формах

Губной смычный /b/ у некоторых частотных глаголов, оказываясь в позиции между гласными, может переходить в /v/. В частности, такой переход зафиксирован для форм глаголов *bak-es* 'быть, стать' и *bu* 'иметься, находиться' в случае, если они образуют единое фонетическое слово с предшествующей формой с исходом на гласную. Ср., например, *p-i-ne-ki kã-vak-e* 'он сказал, мол, что случилось?' (что при полном произнесении звучало бы как *kã-ã bak-e*) или *tija ŷu-a-vu* 'кто здесь?' (из полного *ŷu-a bu*).

Судя по всему, результатом ослабления *bu* > *vu* было и превращение форм типа *te-ne-bu* в *te-no* (< *te-ne-w* < *te-ne-vu*), описанное

выше в разделе 7.3. Сам по себе переход /b/ в /v/ в интервокальной позиции характерен для ниджского говора, ср. такие соответствия между варташенским и ниджским, как *aba* ~ *ava* ‘знающий’, *abuz* ~ *avuz* ‘излишек, добавление’, *baba* ~ *bava* ‘отец’ и т. п. [Панчвидзе 1974: 42, 253; Талибов 1980: 181—182].

Отметим также частотную форму *te-z-ava* ‘не знаю’ (от предикативного прилагательного *ava* ‘знающий’), которая в речи часто произносится как /hezava/ или даже /heza/. Аналогичный переход начального /t/ в /h/ в каких-либо иных случаях не зафиксирован; возможно, здесь следует говорить скорее об отпадении начального /t/ с автоматическим появлением протетического /h/, который в целом характерен для ниджского диалекта (ср. пары типа *aq:-es* || *haq:-es* ‘брат’, *ajz-es* || *hajz-es* ‘вставать’ и пр.).

7.8. Образование кластеров *-st-*, *-št-* и др. на стыке морфем

Кластеры *-st-* и *-št-* образуются на стыке морфем, одной из которых является показатель Инфинитива *-es*, Масдара *-sun* либо Презенса *-sa*. Имеется три случая возникновения таких кластеров; примеры на каждый случай см. в таблице 6.

1) Ассимиляция: *-s-d-* > *-s-t-*.

Кластер /št/ образуется, когда согласный /d/ (в каузативном служебном глаголе) оглушается и переходит в *-t-* после глухого /s/ (в показателе Инфинитива); см. также 6.2.

2) Ассимиляция и метатеза: *-d-s-* || *-t-s-* || *-t-s-* > *-st-*.

Оглушение и метатеза, приводящие к образованию кластера /st/, происходят также при появлении обратной последовательности /d-s/. Это происходит в случае, если *d-* в качестве служебного элемента сложного глагола (или в качестве показателя каузатива) сочетается с аффиксом Презенса *-sa*, Масдара *-sun* или косвенных падежей Инфинитива (например, дательного падежа на *-s-a*). То же происходит при взаимодействии конечных корневых (или служебных элементов) *-t*, *-t* с названными аффиксами. Во всех этих случаях метатеза согласных приводит к фузии.

Отметим, что если непосредственно за кластером /st/, появившимся из *-es-d-* в каузативном глаголе (см. первый пункт), оказыва-

ется показатель *-sun* или *-sa*, конечное *-s* в комплексе */sts/* всегда выпадает: ср. *arcestun* ‘усаживать’ < *arc-est-(e)sun* < *arc-es-d-esun*.

3) **Диссимилиция:** *-s-s-* || *-z-s-* || *-c-s-* > *-st-*, *-č-s-* || *-š-s-* > *-št-*.

Кластер */st/* появляется в результате диссимилиции конечного корневого */s/*, */z/* или */c/* в глагольном корне и начального */s/* в указанных выше аффиксах Презенса и др. форм. При диссимилиции конечного корневого */č/* или */š/* с аффиксальным */s/* возникает кластер */št/*.

Таблица 6. Примеры образования кластеров *-st-*, *-št-*

Кластер	Пример	Исходная структура	Значение
1. <i>Ассимиляция</i>			
<i>-st-</i>	<i>bes-t-es</i>	<i>b-es-d-es</i>	‘заставить делать’
<i>-st-</i>	<i>akies-e-st:a</i>	<i>ak-es-e-d-(e)sa</i>	‘показывает’
2. <i>Ассимиляция и метатеза</i>			
<i>-st-</i>	<i>ta-st:un</i>	<i>ta-d-(e)sun</i>	‘давать’
<i>-st-</i>	<i>žIal-st:un</i>	<i>žIal-d-(e)sun</i>	‘кипятить’
<i>-st-</i>	<i>nest:un</i>	<i>ned-(e)sun</i>	‘заквашивать’
<i>-st-</i>	<i>bar-st:un</i>	<i>bar-t-(e)sun</i>	‘оставлять’
<i>-st-</i>	<i>eIχst:un</i>	<i>eIχ-t-(e)sun</i>	‘брат’
<i>-st-</i>	<i>man-e-st:a</i>	<i>man-e-d-(e)sa</i>	‘остается’
<i>-st-</i>	<i>ti-ne-st:a</i>	<i>ti-ne-t-(e)sa</i>	‘бежит’
<i>-st-</i>	<i>bost:un</i>	<i>bot-(e)sun</i>	‘отрезать’
3. <i>Диссимилиция</i>			
<i>-st-</i>	<i>bost:un</i>	<i>bos-(e)sun</i>	‘бросать’ ²³
<i>-st-</i>	<i>hajst:un</i>	<i>hajz-(e)sun</i>	‘вставать’
<i>-st-</i>	<i>ar-t:un-st:a</i>	<i>ar-t:un-c-(e)sa</i>	‘салятся’
<i>-št-</i>	<i>tašt:un</i>	<i>taš-(e)sun</i>	‘уносить’
<i>-št-</i>	<i>e-ne-št:a</i>	<i>e-ne-č-(e)sa</i>	‘приносит’

8. Образец парадигмы

В таблице 7 приводятся все описанные выше формы парадигмы на примере глагола *bak-es* ‘быть, стать’, с указанием их отрицательных эквивалентов. Финитные формы указываются с лично-числовой

²³ Как можно заметить, в результате регулярных фонетических процессов некоторые формы глаголов *bos-es* ‘бросать’ и *bot-es* ‘отрезать’ совпали.

клитикой 3-го лица ед. ч. (в энклитической позиции, за исключением тех форм, которые предпочитают инфиксальную позицию). Императив приводится в форме 2-го лица ед. ч., независимый Конъюнктив в форме 1-го лица ед. ч. В таблицу не включены те формы парадигмы, которые имеют лексические ограничения и от данного глагола не засвидетельствованы (в частности, «сокращенный Перфект», непродуктивный масдар на *-in* и деепричастие образа действия на *-a*).

Таблица 7. Парадигма глагола *bak-es* 'быть, стать'

Название формы	Утвердительные	Отрицательные
<i>От основы СВ</i>		
Причастие СВ	bak-i	nu-bak-i
Деепричастие СВ	bak-i	nu-bak-i, bak-i-nut:
Аорист	bak-i-ne	bak-i te-ne
(Плюсквамперфект 2)	bak-i-ne-j	bak-i te-ne-j
Юссив на основе Аориста	bak-i-q:a-n	ma-q:a-n bak-i
Перфект	bak-e-ne	bak-e te-ne
Плюсквамперфект	bak-e-ne-j	bak-e te-ne-j
Юссив на основе Перфекта	bak-e-q:a-n	ma-q:a-n bak-e
Результативный перфект	bak-ijo-ne	bak-ijo te-ne
Контрфактив	bak-iji-n=ij	nu-bak-iji-n=ij
<i>От основы инфинитива</i>		
Инфинитив	bak-es	nu-bak-es
Масдар	bak-sun	nu-bak-sun
Презенс	ba-ne-k-sa	te-ne bak-sa
Имперфект	ba-ne-k-sa=j	te-ne bak-sa=j
<i>От основы НСВ</i>		
Имя деятеля	bak-al	nu-bak-al
Причастие НСВ	bak-ala	nu-bak-ala
Будущее долженствования	bak-ala-ne	bak-ala te-ne, nu-bak-ala-ne
Будущее долженствования в прошедшем	bak-ala-ne-j	bak-ala te-ne-j, nu-bak-ala-ne-j
Будущее основное	bak-al-e	bak-al te-ne
Будущее основное в прошедшем	bak-al-e-j	bak-al te-ne-j

Будущее потенциальное	ba-ne-k-o ba-ne-k-on	ba-te-ne-k-o ba-te-ne-k-on
Будущее потенциальное в прошедшем	ba-ne-k-o-j	ba-te-ne-k-o-j
Конъюнктив	bak-a-n(e), bak-a-z	nu-bak-a-n(e), ma-bak-a-z
Конъюнктив прошедшего времени	bak-a-ne-j	nu-bak-a-ne-j
Кондиционал	bak-aji-n	nu-bak-aji-n
Деепричастие одновременности	bak-at:an	nu-bak-at:an
Деепричастие предшествования	bak-amin bak-amun	nu-bak-amin nu-bak-amun
Горгатив	bak-en	ma-bak-en
<i>От основы императива</i>		
Императив	bak-a	ma-bak-a

Приложение

Исторически префиксальные глаголы²⁴

Число глаголов, в которых можно выделить исторические пространственные префиксы, по всей видимости, не превышает 50 (некоторые такие глаголы встречаются только в варташенском диалекте и отмечены ниже буквой «В» в скобках). Максимальная префиксальная парадигма, включающая шесть глаголов, засвидетельствована у связанного корня со значением ‘идти’ (о супплетивных основах лексем данной группы см. раздел 2). Можно выделить еще несколько частичных префиксальных рядов (от 2 до 5 глаголов),

²⁴ Удинские префиксы с синхронной и диахронической точки зрения рассматриваются в книге Э. Харрис [Harris 2002: 68—71, 222—225], а также в статьях [Harris 2003a; 2003b], в первой из которых удинские падежи и приставки обсуждаются в свете реконструкции пралезгинских пространственных показателей, во второй речь идет о структуре словоформы приставочных глаголов в удинском языке в сопоставлении с грузинским. Подробный анализ приставочных глаголов проводится также в [Schulze, to appear].

в большинстве случаев также со связанными корнями. В общей сложности корней, с которыми сочетается от 2 до 6 префиксов, порядка десятка, ср. те из них, которые имеют более двух производных и перечислены в таблице 8:

- -∅- / -j- ‘идти’, связанный корень (см. также раздел 2);
- -č- / -š- ‘нести, вести’, связанный корень (см. также раздел 2); вхождение в этот ряд глагола čič-es ‘снимать’ спорно по фонетическим основаниям;
- -d-, связанный корень, образует переходные префиксальные лексемы, в основном обозначающие действие, производимое с усилием; не исключено, что этот же корень выступает как служебный элемент сложных переходных глаголов и как показатель каузатива (см. 1.2 и 6.2);
- -p-, по словоизменению полностью совпадает с корнем глагола ‘говорить’, однако в составе префиксальных лексем имеет значение ‘сыпать, лить’ (возможно, речь должна идти о позднем схождении двух различных корней);
- -ft-, связанный непереходный корень, значение которого можно приблизительно восстановить как ‘оказываться где-либо’;
- -vkr-, связанный корень, образует глаголы со значением каузации движения и встречается также в сложных глаголах в составе форманта -evkr- (см. 1.2).

Глаголы с корнем -p- ‘говорить’/‘сыпать, лить’ имеют следующую особенность в спряжении. В случае, если форма Презенса содержит личную клитику в инфиксальной позиции, корень глагола имеет стандартный вид -ne, ср. la-n-ne ‘он надевает’ (с редукцией личного показателя -n < -ne). В случае же, когда личная клитика располагается не на глагольной словоформе, префикс выступает в форме laj-, а корень имеет вид -e, ср. при отрицании te-ne laj-e ‘не надевает’²⁵.

---

²⁵ Данное распределение отчасти напоминает распределение вариантов основ в глаголах движения типа taj-es ‘уходить’, laj-es ‘подниматься’ и др., у которых в основе инфинитива отмечается противопоставление типа ta- || taj-, la- || laj- (см. раздел 2).

Кроме лексем, приведенных в таблице, с определенной долей уверенности можно выделить префиксы в глаголах:

- *ba-q:-es* (В) || *p:a-q:-es* ‘вмещаться’, *č:e-q:-es* ‘снимать, сдирать’ (возможно, однокоренные с *aq:-es* || *haq:-es* ‘брать’, который в таком случае по аналогии с глаголом ‘приходить’ можно отнести к ряду ‘сюда, к говорящему’);
- *ba-čtur-p-es* ‘заворачивать’, *la-čtur-d-es* ‘обматывать’ (ср. *čtur-p-es* ‘закручивать’);
- *ba-sak-es* ‘засовывать’, *la-sak-es* ‘основать (напр., поселение); ударить (по голове)’ (ср. *sak-es* ‘ронять, стелить’);
- *la-mand-es* ‘застрывать, спотыкаться’ (ср. *mand-es* ‘оставаться’);
- *laI-vall-d-es* ‘полоскать (например, рот)’ (ср. *vall-d-es* ‘мутить, полоскать’);
- *la-čevk:-es* ‘поднимать; надевать’ (ср. *čevk:-es* ‘вынимать’, сам по себе уже включающий префикс *če-*);
- *la-pr-es* ‘набрасываться’ — возможно, однокоренной с глаголом *ba-pr-es* (В) || *p:a-pr-es* ‘достигать’, в котором в таком случае можно усматривать префикс *ba-* ‘внутри’ (ср. также *ap:-es* ‘поспевать, созреть’, который можно отнести к ряду ‘сюда, к говорящему’);
- *la-χ-es* ‘класть сверху’ — возможно, сюда же *ba-χ-es* ‘futuerē’;
- *lä-čäq:-ec-es* ‘прилепляться, приклеиваться’, *lä-čäq:-d-es* ‘прилеплять, приклеивать’;
- *č:-irap:-ec-es* ‘выходить наружу (о ростках)’ (ср. *irap:-p-es* ‘спугнуть’);
- *č:e-bak-es* (В) || *č:ovak-es* ‘проходить (мимо), перегонять’ (от *bak-es* ‘быть, стать’).

Таким образом, в составе однокоренных глаголов можно выделить шесть префиксов: *e-* || *a-* ‘сюда’, *ta-* ‘туда’, *la-* ‘на верхнюю поверхность’, *ci-* ‘вниз’, *ba-* ‘внутри’, *če-* ‘изнутри’. Некоторые из этих морфем, помимо того что они выделяются в префиксальных рядах, встречаются и в составе наречий, ср. *la-* ‘наверх’ и *looχ* ‘наверху’, *ala* ‘наверху’, *alin* ‘верхний’; *ci-* ‘вниз’ и *cina* ‘вниз головой’; *če-* ‘изнутри’ и *č:oš* ‘снаружи’; *ba-* ‘внутри’ и *boš* ‘внутри’, *bona* ‘вовнутрь’. Независимого подтверждения существования в виде отдельной мор-

фемы нет у *e-*, которое, по мнению исследователей, исторически вряд ли являлось префиксом; скорее можно говорить о том, что в составе частично супплетивных корней *ej-* / *ar-* / *-ek-* / *ek-* ‘приходить’ начальное *e-* в результате переразложения стало структурно неотличимо от других префиксов [Harris 2002: 223]. Не вполне понятно и происхождение префикса удаления *ta-*; так, в реконструкции С. А. Старостина и С. Л. Николаева глагол *taj-es* ‘уходить’ вообще не рассматривается как префиксальный и считается когнатом лезгинскому глаголу движения *atun* ‘приходить’ [Nikolayev, Starostin 1994: 423].

Что касается элемента *qaj-* ‘назад, обратно’, который иногда включают в число префиксов (ср. также наречие *qoʃ* ‘сзади’), то, по нашему мнению, оснований для его рассмотрения именно в качестве префикса нет. Эта морфема ведет себя как стандартная «неспрягаемая» часть в составе сложных глаголов *qaj-es-es* ‘возвращаться; открываться’, *qaj-d-es* ‘возвращать’, *qaj-p-es* ‘открывать’, *qaj-bak-es* ‘возвращаться’; ср. также самостоятельные имена *qaj* ‘открытый’ и ‘возвращение’, зафиксированные в словаре В. Л. Гукасяна.

С другой стороны, к префиксам близки две связанные морфемы со значением ‘вверх’, первая из которых *elq-* выделяется в лексемах *elq-es-es* ‘подниматься, возвышаться’, *elq-evk-es* ‘поднимать вверх’²⁶, вторая *aj-* — в глаголах *aj-es-es* ‘закваситься (о тесте)’ либо ‘быть способным’, *aj-za(p)-p-es* ‘взвешивать (на весах)’ и *aj-z-es* || *haj-z-es* ‘вставать’.

²⁶ Не исключено, что тот же корень *elq-* следует усматривать в глаголе *elχ-t-es* ‘брать’ — возможно, из **elq-d-es* со спонантизацией /q/ > /χ/ и последующим оглушением /d/ > /t/ (заметим, что факультативная спонантизация /q/ > /χ/ отмечается, например, и у глагола *burq-es* || *burχ-es* ‘начинать’). В таком случае глагол *elχ-t-es* ‘брать’ исходно мог концептуализироваться как ‘поднимать (например, с земли)’, впоследствии обобщив свое значение.

Таблица 8. Исторически префиксальные глаголы

Значение префикса	-j- 'идти' <i>e-j-es</i> 'приходить'	-č- / -š- 'нести' <i>e-č-es</i> 'приносить'	-d- 'совать' <i>ta-d-es</i> 'давать'	-p- ≈ 'сыпать' <i>la-p-es</i> 'надевать'	-ft- ≈ 'оказываться'	-yk- ≈ 'тащить'
'туда'	<i>ta-j-es</i> 'уходить'	<i>ta-š-es</i> 'уносить'				
'наверх'	<i>la-j-es</i> 'подниматься'	<i>la-č-es</i> 'поднимать' (В)	<i>la-d-es</i> 'намазывать'	<i>la-p-es</i> 'надевать'	<i>la-ft-es</i> 'трогать, касаться'	<i>la-yk-es</i> 'надевать' (с усилием)
'вниз'	<i>ci-j-es</i> 'спускаться'		<i>ci-d-es</i> 'срезать, обру- бать (ветки)' ²⁷	<i>ci-p-es</i> 'рассыпать; проливать'	<i>ci-ft-es</i> 'спадать (об опухоли)'	<i>ci-yk-es</i> 'спускать, высаживать'
'внутри'	<i>ba-j-es</i> 'входить'	<i>ba-č-es</i> 'вносить' (В)	<i>ba-d-es</i> 'совать внутрь; печь'	<i>ba-p-es</i> 'наливать'	<i>ba-ft-es</i> 'попадать; падать внутрь'	
'изнутри'	<i>če-j-es</i> 'выходить'	[<i>či-č-es</i> 'вынимать, снимать']	<i>či-d-es</i> 'водить (ма- шину), править (лошадью)'	<i>če-p-es</i> 'высыпать (о плодах, сыпи)'	<i>če-ft-es</i> 'выбираться'	<i>če-yk-es</i> 'вынимать'

²⁷ В словаре В. Л. Гукасяна приводится словарный вход ЦИГСУН «обрезать ветки, подчищать дерево», однако в данном случае следует говорить об опечатке; ср. в другом месте пример *Ход цист Iун* «рубить ветки дерева», где явно имеется в виду глагол *ci-d-es* [Гукасян 1974: 224, 233].

Обозначения

-	морфемная граница	LV	служебный глагол
=	граница с клиткой	MED	средний демонстратив
:	кумуляция	MSD	масдар
+	стяжение морфем	NA	номинализация (абсолютив)
1, 2, 3	лицо	NEG	«финитное» отрицание
ABL	аблатив	NO	номинализация (косвенная основа)
ADD	частица 'тоже, даже'	NOT	«нефинитное» отрицание
AOC	деепричастие СВ	O	косвенная основа существительных
AOP	причастие СВ	PART	причастие НСВ
AOR	аорист	PERF	перфект
BEN	бенефактив	PERF2	второй перфект
CAUS	каузатив	PL	множественное число
COMP	подчинительный союз	PLOC	ближний локативный демонстратив
COND	кондиционал	POT	будущее потенциальное
COP	связка	PRON	прохибитивное отрицание
DAT	датив	PRS	презенс
DEB	будущее долженствования	PST	прошедшее время
DIST	дальний демонстратив	SG	единственное число
DLOC	дальний локативный демонстратив	ST	отделяемая часть глагольной основы
ERG	эргатив	SUBJ	конъюнктив
FUT	будущее основное	TEMP	временное деепричастие
GEN	генитив	VOC	вокативная частица
IMP	императив		
INF	инфинитив		
INS	инструменталис		
JUSS	юссив		

Литература

- Алексеев М. Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985.
Алексеев М. Е., Шейхов Э. М. Лезгинский язык. М., 1997.
Бежанов С. Господа Нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на русском и удинском языках // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXX. Тифлис, 1902.

- Ганенков Д. С. Морфологическая и семантическая характеристика падежей удинского языка // *Наст. сб.*
- Гукасян В. Л. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.
- Гукасян В. Л. Краткий очерк грамматики удинского языка // Гукасян В. Л. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974а.
- Джейранишвили Е. Ф. Удийский язык: Грамматика. Хрестоматия. Словарь. Тбилиси, 1971. [На груз. яз.]
- Джейранишвили Е. Ф. Удинский язык // *Языки мира: Кавказские языки*. М., 2001.
- Дирр А. Грамматика удинского языка // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. XXXIII. Тифлис, 1904.
- Кечаари Ж. (сост.) *Нана очъал*. Баку, 1996.
- Ландер Ю. А. Причастные конструкции или некатегориальное подчинение? // *Наст. сб.*
- Майсак Т. А. Рец.: А. Harris. Endoclitics and the origins of Udi morphosyntax // *Кавказоведение*. 2003. № 3.
- Майсак Т. А. Семантика и происхождение глагольных форм настоящего и будущего времени в удинском языке // *Наст. сб.*
- Майсак Т. А. Синтаксис и семантика в распределении показателей отрицания (на материале удинского языка) // Арутюнова Н. Д. (ред.) *Логический анализ языка. Ассерция и негация*. М., в печати.
- Панчвидзе В. Н. Грамматический анализ удинского языка. Тбилиси, 1974. [На груз. яз.]
- Панчвидзе В. Н., Джейранишвили Е. Ф. Удинский язык // *Языки народов СССР*. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // Плунгян В. А. (ред.) *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1. Грамматические категории. М., 2001.
- Сулейманов Н. Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993.
- Сулейманов Н. Д. Словообразование и структура слова в восточнолезгинских языках. Махачкала, 2000.
- Талибов Б. Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980.
- Талибов Б. Б., Майсак Т. А. Удинский язык // *Языки Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия*. Т. 3. М., 2005.
- Топуриа Г. В. Удинский язык // *Языки Дагестана*. М.—Махачкала, 2000.
- Aronson H. I. *Georgian: A reading grammar*. Bloomington: Slavica Publishers, 1990.
- Aydinov Y. A., Keçaari J. A. *Əlifba (Tİetir)*. Bəkü, 1996.

- Harris A. Endoclitics and the origins of Udi morphosyntax. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Harris A. The prehistory of Udi locative cases and locative preverbs // Holsky D. A., Tuite K. (eds) Current trends in Caucasian, East European and Inner Asian linguistics. Papers in honor of Howard I. Aronson. Amsterdam: John Benjamins, 2003a.
- Harris A. Preverbs and their origins in Georgian and Udi // Booij G. E., van Marle J. (eds) Yearbook of morphology 2003. Dordrecht: Springer, 2003b.
- Haspelmath M. A grammar of Lezgian. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Keçaari K. Orayin. Bakı, 2001.
- Nikolayev S. L., Starostin S. A. A North Caucasian etymological dictionary. Moscow, 1994.
- Rice K. Rev.: A. Harris. Endoclitics and the origins of Udi morphosyntax // Linguistic Typology 8:2, 2004.
- Schulze W. Die Sprache der Uden in Nordazerbajdžan. Studien zur Synchronie und Diachronie einer süd-ostkaukasischen Sprache. Wiesbaden: Harrassowitz, 1982.
- Schulze W. An Udi online grammar. Electronic version, 2001.
(<http://www.lrz-muenchen.de/~wschulze/Uog.html>)
- Schulze W. Rev.: A. Harris. Endoclitics and the origins of Udi morphosyntax // LINGUIST List 13.2994 Mon Nov 18 2002
(<http://www.linguistlist.org/issues/13/13-2994.html>)
- Schulze W. Rev.: A. Harris. Endoclitics and the origins of Udi morphosyntax // Studies in Language 28:2, 2004.
- Schulze W. A functional grammar of Udi. To appear, 2009.
- Schulze-Fürhoff W. The Udi language. A grammatical sketch // The indigenous languages of the Caucasus, vol. IV. Delmar, N.Y.: Caravan, 1994.
- Vogt H. Grammaire de la langue géorgienne. Oslo: Universitetsforlaget, 1971.